

АССОЛЬНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

ОНИ ЗДЕСЬ!

РАССКАЗЫ О ПРИШЕЛЬЦАХ

Василий Головачев

Они здесь! (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2358985

Они здесь!: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-52737-3

Аннотация

Кто-то из великих сказал: самая большая победа дьявола в том, что он сумел убедить людей, будто его нет. Так и с «пастухами». Ну кто всерьез поверит, что на Земле тысячи лет живут зеленые нечеловечки и, больше того, вполне успешно управляют людским стадом, ведя его по тому пути, который им выгоден? Однако и дьявол ошибается, и тайное становится явным. В результате ошибок пришельцев в России возникает «Триэн», организация, получившая название от аббревиатуры «Никого над нами», которая объединяет людей, готовых посвятить свою жизнь борьбе против тотального контроля чужих над земным социумом. Соппротивление крепнет, война за освобождение человечества разгорается. Но кто бы мог подумать, что фантастический роман, написанный Константином Ватшиным, станет оружием, способным раз и навсегда изменить «положение на фронтах».

Содержание

Сюрприз для пастуха	5
Глава 1	5
1. Попытка к бегству	5
2. Ватшин	10
3. Нейтрализовать немедленно!	13
4. Судьба изменчива	20
5. Его надо охранять	30
6. Застава	33
Глава 2	41
1. Было	41
2. Извне-1	54
3. Полёты	57
4. Извне-2	66
5. Расширение	67
6. Посетитель	70
7. Извне-3	71
8. Неожиданное	71
9. Риск – благородное дело	75
Глава 3	81
1. Локус контроля	81
2. Мера пресечения	89
3. Очаг аффектации	95
4. Угол падения равен...	99

Василий Головачев

Они здесь! (сборник)

Сюрприз для пастуха *повесть*

Глава 1

Гости непрошеные

1. Попытка к бегству

Он знал, что преследователи где-то рядом, чувствовал всем телом их приближение и ничего не мог поделать. Их было много, и вооружены они были гораздо серьёзнее, чем

он. Его пистолет против их излучателей казался зубочисткой против кинжала, и шансов уйти у него не было.

Тем не менее Крот попытался сманеврировать, чтобы вырваться за периметр облавы, который в данном случае представлял собой условную границу Москвы с Московской областью, то есть Кольцевую автодорогу.

Он вышел из такси у поста ДПС, отвлёк внимание инспектора, собиравшегося сесть в бело-синий полицейский «Форд» с мигалками на крыше, заставил его – пристально глядя в глаза – отправиться в туалет, сел в машину и беспрепятственно выехал на Волоколамское шоссе.

Однако доехать до МКАД он не успел.

На светофоре за Сходненским мостом его с воем, по встречной полосе, обогнал джип «Инфинити RX-66» небывало яркого красного цвета и резко подал вправо, подрезая машину ДПС.

Крот знал, что преследователи не остановятся ни перед чем, так как имевшаяся у него информация была сродни атомной бомбе. Поэтому они не могли допустить утечки и блокировали беглеца с одной-единственной целью – ликвидировать! А ответить им он мог только выстрелом из пистолета, в данных обстоятельствах не игравшего никакой роли.

«Форд» вильнул вправо, врезался в серебристую «Мазду», мчавшуюся по соседней полосе. Его отбросило назад, влево, и он вломился прямо в передний бампер алого джипа, так что выскочившие из него чёрные фигуры посыпались в

разные стороны, как кегли.

Раздались вопли автомобильных сирен, скрежет тормозов, удары, крики.

В остановившиеся машины въехал мусоровоз. Остальные участники дорожного движения начали тормозить, пытаясь объехать растущий затор.

Крот рванул «Форд» назад, врезаясь в развернувшийся боком мусоровоз, со скрежетом раздвинул «Инфинити» и чёрный «бумер», газанул, уворачиваясь от ещё одного «Инфинити», золотистого цвета, с тонированными стёклами, попытавшегося сбить его на ходу.

Однако остановившийся поток автомашин помешал ему, вынуждая джип сдать назад.

«Форд» ДПС вильнул в одну сторону, в другую, развернулся под светофором, где у тумбы стоял, открыв рот, растерявшийся регулировщик движения, не понимающий, что происходит, и помчался назад, к мосту.

Третью машину преследователей Крот заметил спустя несколько мгновений, когда по дверце слева вдруг словно сыпануло металлическим горохом: это открыли стрельбу из третьего джипа «Инфинити», теперь уже чёрного цвета, вырвавшегося из ряда машин слева, что выезжали из города, за МКАД.

Он резко крутанул руль вправо, в переулок за мостом, совершенно не представляя, куда выведет его эта дорога.

Асфальтовая лента вильнула правее, мелькнули глухие за-

боры, ворота, ветхое двухэтажное здание, башня слева, и покорёженный «Форд» выехал снова на Волоколамское шоссе, почти к тому месту, где минуту назад произошло столкновение.

Постовой к этому моменту успел разобраться с происшествием и перекрыл движение в обе стороны шоссе, что освободило дорогу между потоками.

Крот бросил машину в эту щель, заметил, что алый «Инфинити» выезжает справа ему наперерез, пересёк шоссе и нырнул в улочку, отходящую от шоссе вправо, не имевшую никаких указателей.

К сожалению, улица закончилась тупиком, вильнув перед железнодорожными путями. Ехать дальше было некуда.

Он понял, что надежды уйти от погони не осталось никакой. И даже если удастся перебежать пути, скрыться от преследователей будет очень сложно, если вообще возможно, так как расположение зданий и улиц этой части столицы он не знал. Бегство уже по сути являлось актом отчаяния, после того как выяснилось, что его вычислили.

Файл! – мелькнуло в голове. Немедленно сбросить! Чтобы никто и не догадался, какая информация может всплыть, радикально меняя узор социума. Какие головы полетят! Какие политики упадут в пропасть!

Но кому передать? Кто воспримет, а главное, воспользуется материалом? У кого достанет смелости вбросить информацию в Сеть, после того, как одного руководителя «Ви-

киликс» убили, второго засудили, а остальных функционеров взяли под контроль спецслужбы? Кто из существующих вольнодумцев оценит полученный файл правильно?

«Форд» окончательно упёрся в забор. Справа открылся узкий проход между забором и грудой шпал.

Крот рванул машину туда, надеясь выиграть несколько драгоценных секунд.

Ноябрь в этом году выдался бесснежным, и колея выдать его не могла.

Машина заглохла.

Крот вытащил из сумки, с которой не расставался, новый айпод, включил, посматривая в зеркальце заднего вида, лихо радочно набрал программу электронной почты. Программа должна была найти несколько работающих имён, так как сам Крот их просто не помнил.

Где-то взвыли двигатели приближающихся джипов.

Экран айпода выдал три номера.

Крот перегнал файл с диска в ноут, снабжённый вайфаем, и отправил сразу по трём адресам, представившись психолингвистом, доктором наук, специалистом в области контактов с инопланетным разумом. Что было не так уж и далеко от истины.

Когда джипы «Инфинити» – алый, золотой и чёрный – выскочили к железнодорожной ветке, работа была закончена.

Крот оглянулся, глядя на бросившиеся к «Форду» гурьбой чёрные фигуры в масках, насмешливо улыбнулся (при-

ятных снов, господ киллеры) и ткнул пальцем в клавишу backspace. Прижал к груди ноут.

Подбежавший первым гигант в камуфляже, с глазами-щёлочками, рванул дверцу машины.

Раздался взрыв!

2. Ватшин

Утро выдалось ясным, солнечным и очень морозным, отчего машина завелась с трудом; Ватшин надеялся, что со следующего гонорара обязательно сменит свой старенький кроссовер «Ниссан» на новую машину.

Тем не менее настроение, несмотря на мороз, у него было хорошее, он собирался подписать у издателя договор на дополнительный тираж романа, и в издательство Ватшин ехал с удовольствием.

Встретили его, как и всегда, с видимым почтением. Всё-таки в свои двадцать восемь он уже стал одним из лидеров «новой волны», приносящих неплохой доход издательству, и книги Ватшина, в том числе электронного и аудиоформата, расходились быстро.

Заведующий редакцией фантастики Николай Быстрович принял Ватшина как дорогого гостя, с распростёртыми объятиями.

– Кофе, Константин Венедиктович?

– Неплохо бы, – солидно кивнул Ватшин, начиная привы-

кать к тому, что его стали величать по отчеству.

– Наташа, свари кофейку гостю, пожалуйста, – попросил Быстрович одну из редактрис. – Со сливками, без, Константин Венедиктович?

– Со сливками.

– Две порции со сливками.

Симпатичная Наташа принесла чашечку кофе, сахар, печенье и орехи: она хорошо знала вкусы писателя, навещавшего редакцию достаточно часто.

– Первый тираж практически ушёл, – подвинул чашку к себе Быстрович, бывший спортсмен-волейболист, выглядевший в свои пятьдесят едва ли не моложе Ватшина. – Это здорово! Готов пролонгировать договор на тех же условиях.

– Рад, – сказал Ватшин, беря в руки чашку, над которой всплыл ароматный парок. – Не думал, что читатели ринутся в магазины. Думал, что все подсели на айподы и ридеры.

– Больно уж тема одиозная, – усмехнулся Быстрович. – О пришельцах сегодня не говорит только ленивый, но вам удалось найти очень неожиданный поворот. Откуда взялась идея, Константин Венедиктович? Поделитесь, если не секрет.

Ватшин вспомнил, как почти год назад неожиданно получил по электронной почте странное послание.

Неизвестный корреспондент, представившийся учёным-психолингвистом Кротовым, предложил ему свою теорию, подкреплённую якобы удивительными фактами, и по-

просил предать этот материал огласке. А поскольку текст послания и в самом деле оказался любопытным, Ватшин и использовал его по своему усмотрению, написав фантастический роман «Никому не верьте» о присутствии на Земле уже многие тысячи лет пришельцев, маскирующихся под людей. Рука у него была лёгкая, перо, как говорится, разбежалось, и роман, изданный одним из самых крупных издательств России «Недетская литература», разлетелся в течение недели. После чего Ватшина и пригласили в издательство для подписания допсоглашения.

Учёного Кротова он потом, побродив по Интернету, так и не нашёл в списках докторов наук «Википедии». «Википедия» знала многих учёных с фамилией Кротов, но ни один из них не занимался проблемой контактов с иными цивилизациями и не изучал следы пришельцев на Земле.

Впрочем, по мнению самого Ватшина, ему скинул материал кто-то из читателей, кому нравились его произведения, а представиться он постеснялся. Робкий был читатель.

– Идеи летают в воздухе, – пожал Ватшин плечами. – Надо только войти в резонанс с той, которая тебя затронула. Мне это удалось.

– Хорошая идея, – понимающе кивнул редактор. – Давно я не читал фантастику о пришельцах с удовольствием. Будете развивать тему?

– Да, есть такая возможность, – сказал Ватшин.

– А вы сами верите в то, что пишете? – спросил вдруг

Быстрович с любопытством.

– Как вам сказать...

– Неужели они и в самом деле живут среди нас?

– Не только живут, но и управляют нами, – заявил Ватшин уверенно, на самом деле этой самой уверенности не испытывая.

– Честное слово, я отношусь к таким идеям скептически. Хотя многим тема нравится, иначе действительно читатели не покупали бы книги. А фильм не хотите поставить? Я слышал, вы пишете сценарий.

– Написал, – признался Ватшин. – Попробую заинтересовать кинематографистов.

– Киномафию сложно заинтересовать, – засмеялся Быстрович, поднимая чашку. – Успеха вам.

– Спасибо.

– Что ж, давайте подписывать договор.

Ватшин допил кофе и придвинул к себе листок бумаги с условиями пролонгации.

3. Нейтрализовать немедленно!

Вызов к Главному в принципе ничего особенного собой не представлял, и всё же Носин почувствовал странное неприятие распоряжения, переданного ему не напрямую, а через секретаря. С одной стороны, это могло означать рост доверия к Носину как к аналитику СМИ и литературного це-

ха со стороны аппарата Главного, с другой – несло оттенок «вызова на ковёр», как говорили в России. Носин знал множество русских идиом и поговорок, хотя работал на Земле в качестве модератора-аналитика всего полгода, и настоящее его имя было трудно произнести на любом земном языке.

На всякий случай он позвонил своему непосредственному руководителю Кореневу:

– Михал Михалыч, меня вызвали к патрону.

– Меня тоже, – сухо ответил начальник контрольного департамента Управления Внедрения, занимавший официально должность заместителя директора Московской газовой биржи. – Не опаздывайте.

– Слушаюсь. – Носин ощутил холодок между спинными буграми.

Судя по тону Коренева, вызов к Главному ничего хорошего не сулил.

Путь из офиса в Малом Козихинском переулке до здания биржи на Берсеневской набережной, в котором располагался аппарат Главного, занял больше часа: в Москву, несмотря на принимаемые антипробочные меры, снова вернулись пробки.

В приёмной Главного, занимавшего официальный пост заместителя мэра Москвы по ВИП-строительству, Носин оказался вместе с Кореневым.

– Здравсьте, – сказал он совсем по-земному, хотя человеком не был, скрывая истинный свой облик под маской, гене-

рируемой аппаратом динамической голографии.

Впрочем, сущность, маскирующаяся под обликом Коренева, тоже не родилась человеком и вынуждена была пользоваться таким же маскером. Настоящий Михаил Михайлович Коренев, доросший до поста заместителя директора Московской газовой биржи, отказался работать с потомками ящеров, которые уже много тысяч лет пытались подчинить себе земной социум, и его пришлось заменить «проекцией», не отличающейся от живого человека.

У ящеров, обосновавшихся в России, имелись и конкуренты – герпы, змеелюди, также прибиравшие к рукам государственные и коммерческие структуры. До войн не доходило, однако противостояние было напряжённым, и сторонники тех или других часто гибли в дорожных авариях или от несчастных случаев. Недаром в земном фольклоре существовало столько легенд и мифов о драконах, змеелюдях и лох-несских чудовищах, которые уходили корнями в седую древность, когда на Земле начали высаживаться первые полугуманоиды – ящеролюди, змеелюди, птицесапиенсы и прочие нелюди, воевавшие между собой за право контролировать человечество.

– Добрый день, – угрюмо отозвался Коренев, не протягивая руки (вернее, лапы, потому что конечности ящеролюдей отличались от человеческих), глянул на секретаршу Главного. – Арнольд Метаксович у себя?

– Ждёт, – надела на лицо вежливую полуулыбку секре-

тарша Моника, на самом деле представлявшая собой телохранителя Главного и так же, как и он, вынужденная носить маску.

В приёмной дожидались вызова начальника несколько посетителей, абсолютно не догадывающихся об истинном положении вещей, поэтому нелюди, естественно, должны были вести себя, как люди.

Корнев движением бровей остановил своего помощника-телохранителя Дылду, с которым не расставался ни днём, ни ночью, вошёл в кабинет.

Носихин последовал за ним.

Им навстречу шагнул заместитель Главного, лысоватый, бледнолицый, с головой огурцом. Он тоже был «своим», но не подал виду, прошагал мимо, кивнув, как старым знакомым.

Главный восседал за огромным рабочим столом, на котором можно было, наверно, играть в теннис, и смотрел на прозрачно-светящийся объём монитора. Он был громаден, как борец сумо, и выглядел как борец сумо, особенно – зализанными назад и связанными в пучок на затылке длинными волосами. Лицо его, мощное, бугристое, смуглое, с выпуклыми надбровьями и неожиданно круглым «детским» подбородком, выражало брюзгливо-неприветливое ожидание.

– Садитесь, – повернулся он к гостям.

Они сели по обе стороны маленького столика, приткнувшегося к большому.

– Докладывайте.

– Что? – не понял Носин.

Главный кинул вспыхнувший угрозой взгляд на Коренева.

– Разобрались?

– Произошла утечка информации, – ровным голосом заговорил Коренев. – Крот успел-таки сбросить разведданные, о чём мы узнали... – он покосился на Носина, – недавно.

– Крот же убит! – заикнулся Носин.

Коренев посмотрел на него как лягушка на порхавшую над болотом стрекозу.

– Это был твой подопечный, Иван Кирович. К сожалению, ему удалось сбросить файлы по нескольким адресам, а узнали мы об этом только сегодня.

Коренев достал из дипломата книгу в яркой обложке, кинул на стол перед Носиным.

– Что это? – Носин взял книгу, прочитал имя автора – Ватшин и название: «Никому не верьте».

– То, что не должно было появиться на свет ни под каким соусом! – тяжело проговорил Главный.

Носин взял книгу, открыл, пренебрежительно хмыкнул.

– Но это же фантастический роман.

– Только данное обстоятельство и сохраняет вам жизнь, Иван Кирович, – сказал Коренев. – Судя по всему, Крот сдал имевшиеся у него сведения не партнёрам российского отделения «Викиликс», а писателю Ватшину, который использовал материал для создания романа.

Носин позеленел.

– Не может быть!

– Прекратите блять козлом! – ощерился Главный. – Доказательства у вас в руках, а вы даже не удосужились проанализировать материал, не говоря о последствиях вброса.

– Мы не занимаемся фантастикой...

– А должны! – Громадная мясистая ладонь Главного с треском влипла в столешницу, так что Носин подскочил на стуле. – В романе засвечены практически все наши дела, связи, планы и чуть ли не список партнёров по всей России. Представляете, если анализом книги займутся спецы ФСБ?

– Там наши люди...

– Идиот! – Коренев достал излучатель, похожий на четырёхствольный травматический пистолет «Оса».

Главный отрицательно повёл рукой.

– Не надо, Михал Михалыч, рано. Пусть поработает над ошибками, дадим ему шанс.

– Э-э-э... – выдавил Носин хрипло, покрываясь липкой плёнкой пота.

Коренев спрятал излучатель.

– Читайте, Иван Кирович, делайте выводы. Тираж книги – сто тысяч экземпляров. Автор подписал с издательством допсоглашение ещё на двадцать пять тысяч. Договор нейтрализовать! Тираж изъять из магазинов! Автора... тоже нейтрализовать, чтобы не вздумал продолжать тему, материал Крота уничтожить!

– Я в-сё с-делаю, – прыгающими губами пообещал Носин. – З-завтра... с-сегодня же.

– Идите! Данные на Ватшина получите почтой.

Носин встал и вышел на подгибающихся ногах, вдруг осознав, что был на волосок от гибели. И всё из-за какого-то писателишки, посмевшего выпустить джинна из бутылки. Ну погоди, фантаст долбаный, ты у меня попляшешь!

В кабинете двое нелюдей посмотрели друг на друга, скинув маски, став на несколько секунд теми, кем и были, – ящеролюдьями.

– Если не справится – уберите, – сказал Главный на галактическом эсперанто.

– Без проблем.

– Как вы думаете, Зишта Драгон, – назвал Главный родовое имя Коренева, точнее, сущности, которая давно играла роль Коренева, – наши злейшие друзья герпы знают о послании Крота? Или это именно они приложили к делу свою лапу?

– Выясним, Шамшур Ашшурбазипал. К сожалению, вылезла ещё одна проблема. Похоже, индивид, игравший в карты в нашей компании... вернее, в компании моего носителя...

– Настоящего Коренева?

– Так точно. В общем, математик Уваров скорее всего, – Коренев выдержал паузу, – хроник.

Главный изменился в лице, снова превращаясь в потомка

ящера.

– Вы уверены?!

– Мы собираемся встречаться в пятницу. Попробую проверить. Но сначала разберусь с писателем.

– Хорошо. – Главный потёр глыбистый череп. – Лишь бы вашего хроника не перехватили герпы или того хуже – новые русские пограничники.

– Они называют себя анксами – антиксенотиками.

– Только без шума.

– Сделаю всё возможное.

Коренев поднялся и «застегнул» лицо на «официальные пуговицы», становясь человеком.

4. Судьба изменчива

Утром, за кофе, который Ватшин сварил сам, они с женой обсудили планы ближайшие, до нового года, и перспективные – на лето следующего года.

Новый год решили встретить на даче под Апрелевкой, с друзьями, если они согласятся, или втроём с мамой Константина, если никто к ним больше не присоединится.

– Куплю машину, – заявил Ватшин. – Эта кряхтит как старая бабка, десять лет уже отъездила.

– Давно пора, – согласилась Люся, из шатенки недавно перекрасившаяся в платиновую блондинку. Она работала в муниципалитете юго-западного района, окончив институт на-

родного хозяйства, и перспективы подняться выше по служебной лестнице были у неё хорошие.

– Подобрал уже?

– Хочу кроссовер «Импрезу».

– Дорогой? Не забывай, мы хотели поменять квартиру.

– Поменяем, но чуть позже. Мой сценарий сейчас читают в кинокомпании «Три Д», и как только возьмут, наши мечты приобретут базу.

– Ты у меня гений! – Люся чмокнула мужа в щёку и убежала в спальню переодеваться. На работу она предпочитала не опаздывать, поэтому выходила из дома рано, в начале восьмого.

Ватшин допил кофе, помыл посуду и сел в своём крошечном кабинетике за рабочий стол. До одиннадцати он священнодействовал – «творил вселенные», как говорила жена друзьям. После одиннадцати снова пил кофе и ехал по делам, если таковые появлялись вне литературного процесса, либо снова садился за компьютер и писал дальше.

Но в этот морозный день конца ноября судьба повернулась к нему другим боком, отчего мечты купить машину и поехать летом на море растаяли как дым.

В десять часов внезапно позвонил редактор:

– Константин Венедиктович, тут такое дело... – В голосе Быстровича вдруг прорезались виноватые нотки.

– Готов обсудить, – бодро отозвался Ватшин, не выражая удивления: во-первых, Быстрович звонил ему редко, ча-

ще они контактировали по скайпу, во-вторых, никогда раньше не выражал своих чувств.

– Мы решили пока не допечатывать ваш роман.

Кровь бросилась Ватшину в лицо.

– Н-ну, это конечно, – промямлил он, не находя слов. – Я понимаю, раз так... а что случилось?

– Вчера мы долго совещались с генеральным. Книги объективно продаются всё хуже и хуже, ваш успех локален, тенденции снижения углубляются, и рисковать директор не хочет. Год закончится, посмотрим на продажи, на развитие рынка и тогда вернёмся к этому вопросу.

– Но мы же... это... подписали...

– Я готов выплатить компенсацию, – поспешно сказал Быстрович.

– Разумеется, спасибо, конечно, понимаю... Но, может, в электронном формате?

– Решено пока вообще закрыть тему. Мы ещё не продали тираж «СиДи», и как только продадим, заключим новый договор.

– Ладно, я понял, – пробормотал расстроившийся до глубины души Константин, подумал: вот тебе и машина, и квартира, и отдых в Египте.

– Кстати, один мой хороший знакомый, – добавил редактор, – хотел бы с вами поговорить о вашем романе. Он его очень заинтересовал.

– Хорошо, пусть позвонит. Или дайте ему мой имейл.

– Он позвонит и подъедет. Зовут его Иван Петрович, я его знаю давно, очень хороший человек.

Ватшин выключил телефон. В голове плыл туман разочарования, хотелось материться и грозить кулаком небесам. Но он только сжал зубы и с усилием вернулся к работе. Долго переживать по поводу неудач было не в его характере.

Знакомый Быстровича позвонил через десять минут, словно ждал момента, когда Ватшин успокоится:

– Мне сказали, что с вами можно связаться. Я Гордеев Иван Петрович.

– А-а, да, конечно, – вздохнул Константин. – Вы действительно хотите поговорить со мной о романе?

– Да, очень.

– С какой целью? Вы издатель?

– Нет, я работаю в другой структуре. Может, слышали о ФСБ?

– Эф... эс... – До Ватшина дошло: – Вы работаете в федеральной... э-э...

– Службе безопасности. Найдёте для меня несколько минут?

Сбитый с толку Ватшин почесал в затылке.

– Не понимаю, чем я могу быть вам полезен.

– Могу подъехать к вам домой либо встретимся на нейтральной территории.

Ватшин подумал о соседях.

– Лучше на нейтральной.

– Кафе «Гостинец» на Ремизова вас устроит?

Кафе располагалось в десяти минутах ходьбы от дома – сам Ватшин жил на Севастопольском проспекте, – и он оценил корректность собеседника.

– Вполне, я подойду.

– Через час.

– Хорошо. Как я вас узнаю?

– Достаточно того, что я вас узнаю.

Разговор прервался.

Ватшин скушал мятную пастилку, походил кругами по квартире, размышляя о странном желании чекиста поговорить с ним о новом романе, потом начал собираться.

В кафе он появился за двадцать минут до назначенного срока. Заказал бокал яблочного сидра, закурил, огляделся.

Народу в зале было немного, будний день, по сути, только начался, и официанты по залу передвигались неторопливо. Заняты были только три столика. Да за четвертый у окна как раз рассаживалась компания в количестве троих посетителей: двое мужчин и женщина в деловом костюмчике.

Не найдя того, кто, по его мнению, подходил бы к облику сотрудника ФСБ, Ватшин углубился в изучение меню, но его отвлекли.

Мужчина в темно-синем свитере, один из двух в новой компании, моложавый, с твердым непроницаемым лицом и ежиком густых волос, вдруг подошёл к нему, взялся за спинку стула.

– Разрешите?

Ватшин удивленно поднял голову. По внутренним оценкам он ждал другого человека.

– Вы...

– Иван Петрович.

– Присаживайтесь.

Мужчина сел, оценивающе разглядывая Константина.

– Я слышал о вас много хорошего.

– Спасибо, хотя много – вряд ли, – слабо улыбнулся Ватшин. – Вы в самом деле работаете в Комитете?

Иван Петрович достал малиновую книжечку с золотым тиснением «Федеральная служба безопасности Российской Федерации», раскрыл.

– В самом деле.

– И чем же я заинтересовал вашу службу?

Иван Петрович пальцем подозвал официанта:

– Кофе, пожалуйста, с лимоном. – Повернулся к Ватшину. – Николай Леонидович похвалил вашу книгу. Скажите, откуда у вас столько необычных и точных сведений о существовании на Земле ксенотиков? Кстати, почему вы назвали пришельцев, живущих среди нас, ксенотиками?

Ватшин чуть было не ляпнул: так их назвал учёный по фамилии Кротов, приславший ему свои размышления о пришельцах.

– Понравилось название... от латинского xenos – чужой.

– И как давно вы пишете такие вещи?

– Этот роман первый, – признался Ватшин. – Хотя материала очень много, хватит на целый цикл.

– Значит, у вас есть какой-то материал? Чей? Ваш? Или кто-то вам передал данные?

Ватшин понял, что проговорился. Он заглянул в глаза собеседника, умные и понимающие, а главное – располагающие к откровению.

– Если честно, я получил послание от одного учёного... почти год назад.

– Учёного?

– Он так представился: доктор наук, психолингвист Кротов, специалист по контактам со внеземными... э-э, цивилизациями.

Иван Петрович улыбнулся.

– Всеобъемлющая характеристика.

– Я подумал, что это расстарался кто-то из моих читателей. Я знаете ли, веду блог, куда приходят пользователи...

– Я в курсе. Хотелось бы взглянуть на послание вашего приятеля.

– Да, конечно, в любое время.

– А прямо сейчас и сходим, если не возражаете, только кофе допью.

– Пожалуйста.

Иван Петрович встал, подошёл к спутникам, с которыми появился в кафе, что-то им сказал и вернулся. Взялся за чашку кофе.

– Ещё два вопроса.

– Слушаю.

– Кроме Николая Леонидовича, вы ни с кем больше не беседовали о послании этого... м-м, читателя?

– С женой. – Ватшин подумал. – И всё, пожалуй.

– А в этом послании не прозвучало слово «хроник»?

Ватшин снова задумался.

– По-моему, что-то было... автор кого-то называл хрониками... да вы сами всё прочитаете.

Они оделись, вышли в морозный ноябрьский день, добрались до дома Константина.

Он включил компьютер... и кровь бросилась ему в лицо.

– Не понимаю...

– Что случилось? – склонился над столом гость.

– Записи нет!

– Проверьте.

– Сами посмотрите, файл лежал у меня в информационном блоке «Документы». Но его там нет!

– Поищите в других разделах диска.

Пальцы Ватшина лихорадочно забегали по клавиатуре.

– Нигде нет! Да я и не записывал его в других форматах.

Иван Петрович с любопытством заглянул в раствор объёмного монитора, перевёл взгляд на потное красное лицо писателя, сказал мягко:

– Да вы успокойтесь, Константин Венедиктович. Вспомните, к вам никто не заходил? Друзья, родственники, знако-

мые?

– Конечно, заходили, и не раз. Десять месяцев прошло с того дня. Я-то наизусть почти помню, не было надобности открывать файл часто. А вы что, подозреваете кого-нибудь в... краже?

– Никого не подозреваю. Есть факт, требующий осмысления. Неужели вы не сбросили послание на отдельный диск или на флешку?

– Ч-чёрт! – Ватшин хлопнул себя ладонью по лбу. – Конечно, я сделал копию.

Он начал копаться в этажерке дисков, залез в стол, сбегал в спальню, вернулся, бледный и растерянный.

– Не могу найти.

Иван Петрович покачал головой.

– Сядьте, успокойтесь. Давайте вспоминать, кто у вас был в последнее время в кабинете. Можно, я приглашу одного товарища с аппаратурой? Он поищет следы гостей... непрошенных.

– Приглашайте, – махнул рукой расстроенный Ватшин.

Иван Петрович вынул айком.

– Солома, кликни Дэна и подъезжай с ним к писателю Ватшину на Севастопольский, дом сорок три.

Ватшин начал искать диск снова, более тщательно, однако все его усилия оказались тщетными. Единственное, что он обнаружил, было отсутствие должного порядка в кабинете.

Книги стояли ровно, но не так, как прежде, диски и флеш-

ки лежали с виду в тех же позициях, но не в той последовательности, в какой он их хранил.

– Здесь кто-то копался...

– Я это уже понял, – сказал Иван Петрович. – Время у вас есть?

– Да я никуда не собирался.

– Тогда давайте поговорим о послании, пока придут мои парни. Вы даже не представляете, какой силы материал получили.

– Почему же, интересная гипотеза.

– Это не гипотеза, это реальность, уважаемый Константин Венедиктович. Я не знаю, почему носители чужой этики – те самые ксенотики, как мы их называем, допустили просачивание суперважнейшей информации в эфир, пусть и в виде фантастического романа, однако это произошло, и, боюсь, вы теперь представляете для них нешуточную опасность. А они люди серьёзные, точнее, нелюди, и не остановятся ни перед чем, чтобы прекратить утечку. То, что директор издательства отказался печатать доптираж вашего романа, только первая ласточка.

– Но я же ничего плохого не сделал, – наивно воскликнул Ватшин.

– Какая разница? Для них это дела не меняет. Мы поможем вам, но и вам теперь придётся рассчитывать каждый свой шаг.

В дверь позвонили.

5. Его надо охранять

Заместитель директора ФСБ Феофан Свиридович Кузьмичёв имел интеллигентнейший вид и походил скорее на дирижёра симфонического оркестра, нежели на адепта секретной службы. Волосы он зачёсывал назад, носил очки и слушал собеседника с благожелательным выражением лица, как учитель ученика.

В кабинете, кроме него, находились ещё трое посетителей: двое мужчин в строгих костюмах и полная женщина в малиновой кофте и юбке почти такого же цвета.

Гордеев остановился на пороге.

– Проходите, садитесь, – сказал Кузьмичёв с мягкой непреклонностью.

Гордеев поздоровался со всеми одновременно, сел, положив перед собой на стол чёрную папочку.

– Докладывайте.

– Они опередили нас.

– Подробнее.

– К великому сожалению, наши аналитики пропустили роман Ватшина «Никому не верьте», где раскрываются многие тайны ксенотиков. Я давно предлагал организовать специальный отдел по анализу произведений...

– Позже на эту тему.

– Сами ксенотики тоже прохлопали ушами, судя по вне-

запному появлению романа. Но мы отстали и от них. Нелюди начали замечать следы.

– Замели?

– Не успели. У Ватшина исчезли все записи и черновики романа, а также файл, присланный ему небезызвестным нам Кротом, сотрудником российского отдела «Викиликс». Кстати, своё послание он подписал фамилией Кротов.

Мужчина, сидевший напротив Гордеева, осанистый, круглоплечий, с породистым важным лицом, шевельнулся, но, заметив взгляд Ивана Петровича, застыл как монумент, пробормотав:

– Неумно.

– Видимо, он торопился, но успел перед гибелью сбросить файл Ватшину. Возможно, и не ему одному.

– Ищите, – проговорил Кузьмичёв.

– Ищем. Ватшин по памяти воссоздал текст послания, мы его проанализировали и пришли к выводу, что Крот, – Гордеев помолчал, – был хроником.

В кабинете стало совсем тихо.

Четыре пары глаз упёрлись в лицо начальника внутренней службы безопасности.

– Зачем же они его убили? – после паузы спросил Кузьмичёв.

– По всей видимости, он сам себя взорвал, когда понял, что не может уйти от погони. Но самое интересное, что у Крота был знакомый, и тоже хроник, судя по всему.

– Кто?

– Один математик, фамилия – Уваров. Мы его сейчас интенсивно ищем.

– Ищите быстрее, мы должны выйти на него раньше, чем они. Если только это не вброс дезы. И учтите ещё один нюанс: ваш писатель Ватшин в большой опасности, его надо охранять.

– Разумеется, мы это планируем. – Гордеев внезапно достал пистолет, направил ствол на того же мужчину напротив, который снова шевельнулся. – Что это вы заёрзали, Иакинф Еремеевич? Услышали что-то новое? Хотите доложить об этом боссу? Кстати, кто он у вас, под какой личиной прячется? Не депутат Госдумы, случаем? Министр? Или бизнесмен?

Мужчина с холеным гладким лицом побледнел, пальцы руки его, взявшейся за борт пиджака, скрючились.

– Что за шутки, Иван Петрович?

– Солома! Корень! – позвал Гордеев.

В кабинет вошли двое парней: улыбающийся круглолицый блондин с выгоревшими до цвета соломы волосами и сероглазый, крепкого телосложения шатен.

– Присмотрите за ним. – Гордеев качнул стволом пистолета, указывая на мужчину, которого он назвал Иакинфом Еремеевичем. – Знакомьтесь, милостивые судари и сударыни: агент департамента Управления Внедрения небезызвестной нам организации «Ксенфорс». Мы давно следили за ним,

взяли его телохрана, допросили, узнали очень много интересного. Сами расскажете, **Шиииззинх**? – Последнее слово Гордеев произнёс с шипением, будто по полу и в самом деле проползла огромная ящерица. – Так вас зовут соплеменники? Или пойдём по более сложному пути?

– Йа ф-фвасс... – выговорил Иакинф Еремеевич как бы по-русски и в то же время не по-человечески; в структуре ФСБ он занимал должность начальника департамента связи с общественностью.

– Понятно, значит, по-плохому. Уведите.

Блондин и его напарник рывком подняли **чужого** из кресла, споро вывели из кабинета.

– Доказательства есть? – вопросительно подняла брови женщина. – Я знаю Иакинфа давно, верила ему.

– Сколько угодно, – раскрыл папку Гордеев.

6. Застава

До Нового года больше ничего особенного не произошло.

Новый знакомый Ватшина из ФСБ (Константин очень хотел похвастаться друзьям, что у него появился такой необычный приятель) дважды звонил Константину, а однажды даже заехал к нему домой в отсутствие жены, задал много разных вопросов и уехал, попросив писателя докладывать о своих встречах и предупреждать о выездах, особенно – за пределы Москвы.

Жене Иван Петрович посоветовал пока не говорить о том, что произошло.

– Женщины реагируют на подобные реалии иногда парадоксально, – сказал он. – Даже вы не сразу поверили в истинность существования ксенотиков, о которых написали целый роман. А уж доверь эту информацию женщине, и скоро все её подруги будут знать об этом.

Ватшин согласился с доводами чекиста. Люся не была болтушкой, но секреты в её красивой головке не задерживались долго. Это он уже выяснил.

Конечно, она расстроилась, узнав об отказе издательского начальства пролонгировать договор.

– С машиной теперь придётся повременить, – заявила она в тот же вечер, когда Ватшин узнал о существовании целой системы живущих на Земле инопланетян.

– И с машиной, и с квартирой, – со вздохом подтвердил он.

– А на море поедем?

– На море поедем. Я начинаю писать повесть, сдам в марте, и у нас будут необходимые финансы. И вообще не в деньгах счастье.

– Но очень хотелось бы в этом убедиться лично, – грустно пошутила жена.

О том, что у мужа появились «секретные» знакомые, она так и не узнала.

Встречались Ватшин с Иваном Петровичем либо у него

дома, когда Люся уходила на работу, либо в других местах.

Как-то он задал вопрос чекисту, вдруг сообразив, что ФСБ занимается проблемой пришельцев всерьёз:

– Как вы-то узнали о кознях ксенотиков? Вам ведь никто сведений о них не передавал по электронке?

Иван Петрович рассмеялся.

– Факты присутствия на Земле инопланетян известны с седой древности. А заниматься ими всерьёз начали только в середине прошлого века. Сначала американцы, потом мы. Накопилось очень много свидетельств их существования, что не позволяет сбросить всё на фантазии контактёров и очевидцев.

– Я читал, в России есть Общество по контактам.

– Эта структура создана самими ксенотиками для отвода глаз и выпуска пара, чтобы люди перестали верить в идею контакта окончательно. Мы занимаемся ими на другом уровне.

– Говорят, в секретных лабораториях КГБ... ФСБ лежат останки пилотов НЛО.

– Пусть говорят, – усмехнулся Иван Петрович.

– А на самом деле?

– Пилотов не видел, остатки НЛО видел.

– А где их нашли?

– Если вас это действительно интересует, как-нибудь поговорим об этом.

Однако больше они эту тему не поднимали, хотя любо-

пытство Ватшина удовлетворено не было и он жаждал узнать о «земных» инопланетянах больше. Хотелось также выяснить, кто заинтересован в молчании Константина как писателя, не считая главного редактора издательства, которому, очевидно, пригрозили неведомые ксенотики, но Иван Петрович не стал распространяться и на эту тему.

– Узнаете в своё время, – сказал он. – Прошу только вовремя докладывать мне о подозрительных встречах, звонках и даже взглядах.

Встреч за месяц с небольшим так и не случилось, а взгляды Ватшин замечал, хотя докладывать об этом стеснялся.

Тридцатого декабря они с женой набили багажник машины продуктами, всунули на заднее сиденье купленную ёлочку и поехали на дачу, договорившись с друзьями, однокашниками Константина, что те с женами подъедут тридцать первого.

К сожалению, погода с точки зрения водителей выдалась в этот день отвратительная: тучи заволокли небо, пошёл снег, и ветер создал из него метель. Видимость снизилась до десятка метров, что не позволяло участникам движения ехать быстро.

Выбрались за МКАД.

– Может, вернёмся? – робко предложила Люся.

– Нам ехать-то всего тридцать километров, – возразил упрямый Ватшин. – Доберёмся как-нибудь за час.

Однако не добрались.

Через полчаса, за поворотом на Анкудиново, свернули с Киевского шоссе направо и тут же остановились, потому что идущая следом машина – чёрный джип «Магнум» – вдруг обогнала «Ниссан» Ватшиных и круто вильнула вправо, преграждая ему путь.

– Ах ты лох зелёный! – нажал на педаль тормоза Константин.

Вскрикнула Люся.

Автомобиль занесло на заснеженном асфальте, и он опрокинулся набок в кювет.

К счастью, удар пришёлся на снежный вал, и «Ниссан» почти не пострадал. Только вдавилась дверца со стороны пассажирского сиденья да стекло дверцы покрылось трещинами.

Пока Ватшин ворочался в петле ремня безопасности, освобождаясь, чьи-то руки рванули дверцу с его стороны, ухватили за плечи, за шею.

– Вылазь, писатель! Быстро!

Ватшин ухитрился вывернуться из захвата, ударил кулаком по тянувшейся к нему пятерне.

Кто-то выругался:

– Сопrotивляется, с-с...!

В Константина вцепились ещё две руки, выдернули из джипа.

Закричала Люся.

Он начал отбиваться злее, не обращая внимания на затрепанные со всех сторон. Получил тычок в ухо, схватил кого-то за ногу, рванул на себя. Но его оторвали от земли, ударили чем-то металлическим по голове, и сознание начало гаснуть.

Однако внезапно вокруг началась какая-то **лишняя** суета, грубые руки выпустили Ватшина, и он упал лицом в снег. С трудом перевернулся на спину, приподнялся.

Вокруг бегали люди, пыхтели, дрались, падали, вскрикивали. Раздались не очень громкие звуки – словно били палкой по ватной подушке. Темные фигуры метнулись к лесу, к чёрному джипу, сыпануло целой очередью «ударов по подушке», и фигуры скрылись в пелене метели.

К Ватшину подбежали двое парней в камуфляже.

– Жив?!

– Там Люся, – простонал он, держась за голову.

– Башкин! В машину!

– Всё в порядке, командир, она в кабине, сейчас вытащим.

Ватшин уронил руки, борясь с головокружением, заставил себя подняться, шагнул к парням, помогавшим жене вылезти из кабины.

– Люся...

– Костя! – Она бросилась к нему на шею. – Живой! Слава богу! – И заплакала.

Рядом с оказавшимися на шоссе двумя серебристыми джипами остановилась ещё одна машина – белый микроавтобус. Хлопнула дверца, выпуская мужчину в белом полу-

пальто, без шапки.

– Иван Петрович, – пробормотал Ватшин.

– Садитесь.

– Машина...

– Её отремонтируют и доставят к вам домой.

– Мы ехали на дачу.

– Значит, на дачу.

Ватшин помог Люсе сесть в салон микроавтобуса. Следом сел Иван Петрович.

– Поехали, Солома.

Водитель – улыбающийся круглолицый блондин – тронул микроавтобус с места.

– Кто вы? – перестала плакать Люся.

Иван Петрович усмехнулся.

– Не ангелы, но хранители.

– Они анксы, – невнятно сказал Ватшин, чувствуя, как губы превращаются в оладьи.

– Кто?

Ватшин искоса глянул на спасителя.

– Есть такое подразделение в службе безопасности, – сказал Иван Петрович. – Муж вам не рассказывал?

– Нет.

– «Застава» называется, – снова сказал Ватшин.

– Что за служба? ФСБ?

Ватшин хотел сказать, что «Застава» – внутренняя пограничная служба России и является самостоятельной структу-

рой, хотя её филиал есть и в ФСБ, но встретил взгляд Гордеева и прикусил язык. Иван Петрович предупреждал, чтобы он никому ничего не говорил, даже самым близким друзьям и жене.

– Давайте знакомиться, раз уж так получилось, – сказал Гордеев. – Меня зовут Иван Петрович. Если бы ваш муж предупредил нас о поездке, всё бы обошлось.

Люся перевела взгляд на мужа.

– Ты давно знаешь этих людей?

– Не очень, – мотнул он головой.

– Кто они?

– Тебе же сказали – не ангелы.

– Я не шучу!

– Сейчас приедем и поговорим, – пообещал Иван Петрович.

Ватшин обнял жену, прижал к груди, преодолевая её сопротивление. Подумал, что объяснить ей ситуацию будет трудно. Но главное было в другом: скорее всего писательская его деятельность закончилась. А представить, как жить дальше, не могла даже его недюжинная фантазия. Пропать распахивалась впереди! Кто поможет перепрыгнуть? Да и хватит ли у него сил в корне изменить жизнь?

Плеча коснулась рука Ивана Петровича.

Руководитель «Заставы» ничего не сказал.

Но Ватшин почувствовал себя уверенней.

Глава 2

Помню

1. Было

Представьте себе отрицательное *давление*. Сможете? К положительному мы привыкли с детства, наблюдая, как колёса телеги оставляют в почве характерные борозды. Или гусеницы танка следы на асфальте улицы. Или, что более позитивно, как пресс плющит раскалённую болванку металла в цеху машиностроительного завода. Но что такое *отрицательное* давление?..

Мысль мелькнула и погасла.

Кругом было одно глобальное *пламя*, имеющее странное свойство разбегаться во все стороны с колоссальной скоростью. И при этом процесс нельзя было назвать взрывом, потому что *пламя* не являлось продуктом деятельности человека и не представляло собой конечную фазу управляемой реакции. Оно появилось и начало расширяться с огромным ускорением, порождая само себя и создавая удивительно гладкий, ровный и однородный фон – пространство.

Впрочем, неоднородности в этом странном континууме, заполненном квантовыми полями, всё-таки появлялись и уже не сглаживались стремительным инфляционным рас-

ширением. Сложные физические процессы приводили к тому, что неоднородности, представляющие собой солитоны – сгустки первичных элементарных частиц, – вызвали небольшой избыток обычного барионного вещества над антивеществом. Началась аннигиляция рождающихся комков материи, а когда она закончилась, в невероятно раздувшейся Вселенной появились первые островки вещества, которые впоследствии превратились в звёзды, галактики и их скопления, объединившиеся в крупномасштабные сетчато-мозаичные структуры.

Но это стало реальностью позже.

А пока он – невидимый и неосязаемый свидетель рождения Вселенной – наблюдал за её расширением *изнутри* процесса и видел-осязал-ощущал *огонь* во всех его проявлениях, понимая, что попал в информационный «нерв», недоступный большинству людей.

Между тем температура *огня* вокруг постепенно падала, он становился менее жгучим и плотным, меняя свою физическую *суть*, и, наконец, падение температуры позволило появиться первым атомам. Точнее, ядрам атома водорода, состоящим из протона и нейтрона. И случилось чудо: Вселенная стала прозрачной, то есть видимой в широком диапазоне электромагнитных волн, и – практически *невидимой*, потому что заполнявший её *огонь* погас! Излучение отделилось от вещества – первых незначительных скоплений атомов. А поскольку до термоядерных реакций было ещё дале-

ко, рождённый мир погрузился в Великую Тьму...

– Красиво говоришь, Сан Саныч! – восхищённо сказал Хаевич, разливая пиво в стеклянные кружки тонкой работы. – Тебе бы писателем быть, стал бы известен.

Уваров улыбнулся. Хаевич уже не раз говорил ему о писательской известности, однако Александр Александрович, в миру Сан Саныч, никогда не проявлял особого литературного дарования и работал математиком в МИФИ, окончив этот же институт двадцать семь лет назад. В настоящее время близился его пятидесятилетний юбилей, и он казался себе маститым учёным, умудрённым опытом человеком средних лет. Но не старым. В молодости он серьёзно занимался лёгкой атлетикой, стал мастером велосипедного спорта и выглядел вполне прилично: метр восемьдесят, плотный, плечистый, спокойный, уверенный. Волосы начали редеть ото лба ещё в тридцать пять, поэтому в сорок он стал стричься наголо, оставляя короткий ёжик, и в сорок девять лобастая голова Уварова отливала серебром седины, что было даже модно.

Олег Хаевич был моложе на пятнадцать лет. Небольшого роста, с животиком, подвижный, говорливый, любитель ночных клубных забав, он нравился женщинам и о семейной жизни пока не помышлял. Его трудно было представить в роли чиновника, да он им и не был, возглавив после тридцати лет частную фельдъегерскую службу. Любил выпить, поговорить (он был в курсе всех новостей), хорошие автомашины (ездил то на «Мерседесе CLS», то на «Порше Кайенн»),

знал все клубы в Москве и часто пропадал за рубежом. Но ровно через две недели возникал на горизонте, и компания собиралась вечером пятницы расписать пульку: Уваров, Хаевич, Коренев и Новихин.

Кореневу стукнуло шестьдесят два, он работал заместителем директора Московской газовой биржи и был душой общества. На этого человека, любившего анекдоты, всегда можно было положиться. Он готов был помочь друзьям в любое время, не раздумывая. Кроме того, он был охотником, часто уезжал с компанией приятелей в глубинку России, под Нижний Новгород, и привозил интересные истории, а иногда и дичь.

Четвертый преферансист, Игорь Новихин, был самым молодым и энергичным членом команды. Он работал главой службы безопасности Московской газовой биржи, под началом Коренева, занимался бадминтоном (становился даже чемпионом области), не считая рукопашного боя в силу профессиональной надобности, и слыл знатоком вин и алкогольных напитков вообще. Хотя при этом почти не пил.

Все эти люди были очень не похожими друг на друга, и свела их воедино только одна страсть – к преферансу. Но если для Новихина эта игра подогревала его спортивный интерес, Хаевич ловил удачу, Коренев искал охотничий азарт, то для Уварова преферанс являлся одним из вариантов теории игр, которой он посвящал всё своё свободное время.

– Я космосом не интересовался, – продолжил Хаевич, по-

тягивая пиво и присматриваясь к вяленой рыбке, которую принесла Оксана, повар Новихина; играли обычно в его котедже на улице Сучкова. – Не могу утверждать, что я совсем уж закоснелый скептик, но не верю, что космос нам необходим. Пусть его покоряют автоматы и роботы, человеку там делать нечего. Кстати, ты говорил об эпохе Великой Тьмы. Тёмная материя, о которой все сейчас говорят, не из этой епархии?

– Это разные категории, – качнул головой Уваров. – Хотя темная материя зарождалась примерно в те же времена, миллиарды лет назад.

Хаевич аккуратно разделал рыбку, с любопытством посмотрел на него.

– Ты что же, и в самом деле видишь эти сны – про космос, рождение Вселенной?

– Это не сны. Как бы тебе объяснить... во мне просыпается память происшедших событий, понимаешь? Я вижу то, что было в прошлом, миллионы и миллиарды лет назад.

– Вот этот огонь видишь, о котором говорил?

– И огонь тоже. Первые звёзды, первые галактики, планеты.

– Откуда же ты знаешь, что там происходило?

– Знаю, и всё. Информация сама появляется.

– Давно?

– Если честно, то не очень, год назад всё началось, после ДТП.

– Это когда ты свою «Импрезу» разбил?

– Ага.

– Ну, тогда по глоточку.

Они сдвинули кружки с пивом, занялись вяленой кефалью.

Обычно первым к назначенному времени (восемь часов вечера) прибывал Уваров, не любивший опаздывать. Хаевич подъезжал чуть позже, с водителем Сашей, который знал все секреты своего работодателя. За руль после «принятия на грудь» дозы спиртного Хаевич не садился, что было правильно.

Третьим появлялся Коренев с сумкой пивных бутылок. В компании существовал свой распорядок: Уваров покупал торт и конфеты к чаю, Хаевич – сухое красное вино, Коренев – пиво и водку. Новихин принимал гостей, иногда угощая их классным вином из собственного погреба.

– Привет Эйнштейну, – объявил Михал Михалыч, обнимая Уварова, пожал руку Хаевичу. – Жарко сегодня. – Он снял пиджак, подсел к столу. – Ну что, по пивку?

Налили, выпили.

Коренев блаженно откинулся на спинку стула.

– Хорошо поторговали сегодня, растёт наш газ в цене как на дрожжах. Командир обещал быть через полчаса, если не застрянет в пробке. Стоит Москва, я еле проехал по закоулкам.

Командиром он называл Новихина, хотя по служебному

положению стоял выше.

Заговорили о пробках, о неумении служб решить транспортную проблему.

– Вот ты математик, – посмотрел на Уварова Коренев, подцепляя вилкой малосольный огурчик, – взял бы и рассчитал какой-нибудь алгоритм, который избавил бы город от пробок.

– Этой проблемой уже занимались математики, – сказал всезнающий Хаевич. – Но ни в одной столице мира она не решена полностью. Города не резиновые, и, когда количество машин превышает пространственно-динамический предел, они встают.

Коренев возразил, что в Варшаве, где он был, пробок нет.

– Нашёл столицу, – отмахнулся Хаевич. – У них всё ещё впереди.

Коренев снова возразил, что существуют приёмы ограничения въезда в города и другие ухищрения, позволяющие избегать пробок.

Они заспорили.

Уваров слушал, потягивал ледяной сидр и думал о другом. О поездке на родину в Брянскую губернию. О конвен-те математиков, где ему должны были вручить престижную премию «Золотой интеграл». О варианте игры нового типа, который он почти рассчитал и к концу года собирался представить на суд математиков института. Работа была интерес-ной, и он надеялся удивить коллег подходом к проблеме, ко-

торый они назвали бы когнитивно-метафизическим, а он сам – чувственно-магическим. Хотя речь шла скорее о переходе между реальностью и миром чувственных идей, в который ему позволено было время от времени погружаться.

– О чём задумался, Сан Саныч? – хлопнул его по плечу Хаевич.

Уваров виновато прищурился.

– Да так, ни о чём.

– Расскажи о своих видениях, вот биржа интересуется.

– Я ему уже рассказывал.

– Да? А он не признался. Ещё раз советую написать об этом книгу. У меня друг – издатель, поможет издать. Вдруг откроешь в себе талант писателя? Роулинг же, создатель Гарри Поттера, тоже в своё время была никому не известна.

– Заладил одно и то же, – проворчал Корнев. – Сан Санычу слава не нужна.

– А что ему нужно?

– Слава бывает разная. Вон один математик отказался от Нобелевки и стал известен всему миру.

– Он просто больной, думал только о себе, а не о своих родственниках. Ему невероятно повезло, а он это везение в задницу засунул!

– Не груби. Везение тоже разное бывает.

Хаевич хихикнул.

– Эт точно. Иногда не получить желаемое и есть везение. Ну что, мужчины, ещё по кружечке?

– Привет, алкоголики, – вошёл в гостиную улыбающийся Новихин, бросил к шкафу в прихожей слева спортивную сумку. – Как вам наши футболисты?

– Я просто обалдел! – оживился Коренев. – Четыре – один, уму непостижимо! Неужели научились играть?

– Тренер хороший, вот и научил, – авторитетно сказал Хаевич.

– У них стимул появился, – сказал Олег, скрываясь на втором этаже.

– Какой стимул? – не понял Хаевич.

– Раньше играли как игралось, – поддержал тему Коренев. – Все равно платили. А теперь не даёшь отдачи – садись.

– Значит, тренер таки в этом деле главный? Кто ещё заставит их играть?

– Почему обязательно тренер? Игорь прав, стимул появился – играть хорошо, иначе сядешь на скамейку запасных, а то и совсем вылетишь из команды. К тому же известно, что лучший тренер – отечественный, доморощенный, знающий российский менталитет, а не пришлый, с трудом произносящий два слова по-русски.

К столу спустился Новихин, переодевшийся в домашний спортивный костюм.

Заговорили о футболе, потом о теннисе, знатоком которого считался Хаевич, о бадминтоне. Открыли вино.

Уваров сидел молча, слушал, от вина отказался. До сорока пяти он вообще не употреблял спиртных напитков, да и сей-

час позволял себе разве что бокал шампанского на праздники да сидр. От пива не отказывался, но и не приветствовал, доверял организму, который чётко знал свою норму.

В начале десятого пересели за игровой столик.

Сдавать выпало Новихину.

Коренев взял карты, принялся изучать расклад. Делал он это медленно и обстоятельно, в силу характера, поэтому поначалу компаньонов это сердило, но после пятнадцати лет знакомства все привыкли к манере игры «главного биржевика» компании и не обращали на его медлительность внимания.

– Раз, – объявил наконец Михал Михалыч.

– Пас, – отозвался Уваров.

– Бери, – согласился Хаевич.

Игра началась.

Расходились за полночь, в половине первого.

Хаевич и Новихин собрались навестить клуб «Сохо».

Уваров повёз Коренева на своей машине: тот жил в Крылатском, после чего ему предстояло возвращаться назад, к Серебряному Бору.

– Ты что, и вправду видишь прошлое? – поинтересовался слегка ословевший Михал Михалыч, когда они попрощались с молодёжью и отъехали. У него была своя «БМВ» плюс охрана, однако он редко ими пользовался.

Уваров невольно вспомнил один из своих «эзотерических

СНОВ»...

Великая Тьма длилась по вселенским меркам недолго, всего около миллиона лет.

Массы сгущений относительно холодного вещества – ядер водорода и гелия, а потом и нейтральных атомов после эпохи рекомбинации, – достигали таких величин, что начались первичные реакции ядерного синтеза, водород «загорелся», и по всему гигантскому объёму сформированного пространства зажглись первые звёзды.

Поначалу они были небольшими, карликовыми, но по мере дальнейшего уплотнения облаков газа и пыли рождались всё более массивные звёзды. Некоторые из них сливались вместе, образуя квазары и первичные чёрные дыры, и по молодой Вселенной, продолжавшей расширяться в ином темпе, не столь быстро, как в первые мгновения, поплыли хороводы фонтанирующих струями огня юных звёзд, окружённых вихреподобными дисками пыли и газа.

А уже через сто миллионов лет, когда звёзды начали объединяться в протогалактики, в их атмосферах – не на планетах и не в космическом пространстве – зародилась первая форма *жизни*. А за ней – разум...

– Может, тебе и в самом деле стоит написать роман? – послышался голос Коренева.

Уваров очнулся, повернул направо, на улицу Крылатские Холмы.

– Мне Олег об этом все уши прожужжал, и ты туда же. Не

писатель я. У меня другие интересы.

– Теория игр? – хохотнул Михал Михалыч. – Судя по тому, что проигрываешь ты редко, теория у тебя правильная.

– К преферансу она не имеет отношения.

– Да? А я думал, ты карточными играми занимаешься.

Уваров хотел было оправдаться, объяснить Кореневу на пальцах, чем он занимается на самом деле, но передумал. В состоянии эйфории – Коренев выпил да ещё и выиграл при этом – он вряд ли понял бы собеседника.

Между тем именно увлечение Уварова психроникой, как он назвал свою игровую матрицу, и позволило ему приобрести дар воспоминаний прошлого, а вовсе не авария, в какую он попал однажды на Амурской улице: тогда в бок ему влетел лихач на старой «Ладе». Началось всё с расчётов компьютерной ролевой игры, отличающейся от других тем, что играющий не просто выбирал фантом из заданного набора игровых персонажей, а переносил на него качества своей личности и характер своих взаимоотношений с реальностью. После этого Уварову удалось просчитать психосемантическую матрицу играющего, содержащую информацию о способах взаимодействия структур сознания, и, что важнее, *бессознательного* в личности играющего с тканью бытия, выбрать желаемый интервал глубины игры, по сути – горизонт событий (он выбрал древнее прошлое) и достичь необходимой степени его детализации.

На следующий день – точнее, ночь, – ему начали сниться

странные сны. Ещё через месяц он научился погружаться в прошлое на любой отрезок времени и буквально *видеть* всё, что там происходило.

– Спасибо, – сунул ему ладонь Коренев, когда машина свернула к его дому. – Заходи как-нибудь в контору, побеседуем о жизни. Расскажешь о своих видениях.

– Лучше вы к нам, – улыбнулся Уваров.

Коренев с трудом выбрался из машины, поплёлся к подъезду.

Уваров посмотрел на подъехавшую за ним машину – чёрный джип «Рэндж Ровер», не придавал этому значения, проводил приятеля глазами, подумав, что, несмотря на свою сугубо коммерческую должность, Михал Михалыч сумел остаться человеком совести, за что его уважали коллеги и любили близкие.

Джип всю дорогу ехал за ним, но он этого не заметил.

Домой приехал в половине второго.

Жена уже спала, внучка тоже.

Уваров, стараясь не шуметь, залез в ванную, встал под душ. Лёг чистый, умиротворённый, довольный жизнью, автоматически перебрал в уме то, что должен был сделать в субботу, и легко уснул.

Сон-видение пришёл сам собой, без особых усилий с его стороны. Организм уже научился владеть особым состоянием, которое в разные времена у разных народов называлось по-разному: инсайтом, сатори, просветлением и озаре-

нием. Сам Уваров называл это состояние мысленно-волевым *странствием*.

Сознание вылетело за пределы тела, перед глазами развернулась величественная панорама космоса. Россыпи звёзд окружили его со всех сторон. Он мог свободно «дотронуться» до любой из них, но душа просила *иного*, и Уваровглянул на Мироздание через «телескоп» внечувственного восприятия, ища в нём следы разумной деятельности.

И нашёл!

Среди сияющих звёздных сфер проявились тонкие паутинки геометрически правильного узора, не похожего на обычные скопления и галактики. Одна из паутинок была совсем близко, память автоматически назвала направление – Волосы Вероники.

Отлично! Посмотрим, что там такое...

Мысленное «тело» Уварова превратилось в неосязаемый луч и стремительно рванулось в пространство.

2. Извне-1

К чёрному джипу «Рэндж Ровер», стоящему на Серебряной набережной с погашенными фарами напротив многоступенчатого нового дома, подкатил второй точно такой же, погасил фары. Из него вылез мужчина в чёрной куртке, открыл дверцу первого джипа, сел на заднее сиденье.

В кабине машины находились трое мужчин в похожих

куртках, один сзади, двое спереди, считая и водителя. Пассажир на переднем сиденье смотрел на экранчик навигационного компьютера, второй, сзади, с наушниками на бритой голове, внимательно разглядывал экран какого-то прибора с длинным дулом, направленным на окна дома.

– Ничего? – спросил гость.

– Лёг спать, – буркнул мужчина с наушниками.

– С кем-нибудь разговаривал?

– Как обычно.

– Может быть, он просто псих? – проговорил пассажир на первом сиденье.

– Вряд ли, о нём отзываются в исключительно положительном смысле. Нормальный мужик, жена, дети, внучка.

– Только речи ведёт странные.

– Парни, наше дело маленькое: приказано следить – будем следить. Давайте меняться.

– Ещё полчаса.

– Ладно, в следующий раз вы нас смените на полчаса раньше. – Гость поднёс ко рту мобильник: – Паша, вылезай.

Из второго джипа выбрались ещё двое мужчин, в том числе водитель. Пассажиры первого уступили им места, сели во второй джип и уехали.

Мужчина, сидевший на заднем сиденье «Рэндж Ровера», пересел на переднее, снова достал мобильник:

– Первый, Семнадцатый на связи. Приступили к дежурству. Всё тихо, клиент под контролем.

– Зря проторчим всю ночь, – проворчал его напарник, занявший заднее сиденье. – За три месяца он ни разу ночью ни с кем не общался. Только с партнёрами по преферансу.

– Заткнись, – коротко ответил мужчина с мобильником.

В мобильнике ожил голос:

– Режим «три уха».

Это означало, что прослушивать надо было все телефоны клиента, в том числе и мобильный.

– Принято, – ответил мужчина в джипе.

Тот, кто говорил ему о режиме «три уха», повернул голову к собеседнику: кабинет, где они сидели напротив светящегося объёмного экрана компьютера, напоминал лабораторию, заставленную сложным оборудованием.

– Пока что у нас почти ноль информации. Ничего конкретного. Может, возьмём его и заставим говорить?

– Мы должны быть уверены, что это именно он, хроник, – заговорил собеседник, крупнотелый, крупноголовый, седой, с узкими губами и холодными бесцветными глазами. – Поспешим – канал закроется.

Первый, худой, костистый, с залысинами, кивнул.

– Придётся ждать. Хотя на него могут выйти и конкуренты. Леонтьева предложила неплохой план – завербовать кого-нибудь из его друзей, из тех, с кем он играет в преф.

Седой помолчал.

– Идея неплохая, доложу наверх. Разрешат – разработаешь план. – Он поднялся, похлопал худого по плечу, вышел.

Оставшийся в кабинете надел наушники.

3. Полёты

С тех пор как Уваров разработал программу автоматической коррекции действий игрового фантома, по сути – самого себя-игрока, мысленные полёты в прошлое давно перестали быть игрой. Его психосемантическая матрица легко преодолевала барьеры физических законов, подстраивалась под изменяющиеся параметры реальности и погружалась в бездну прошлых времён как ныряльщик в воду. Насытившись астрономическими данными, он безошибочно определял координаты галактик и их скоплений, свободно ориентировался в созвездиях и мог мысленно-волевым усилием «посетить» окрестности любых звёзд Млечного Пути и за его пределами.

Мало того, Уваров научился находить звёзды и галактики, где когда-то цвела разумная жизнь, и опускаться к её истокам, когда эта жизнь только зарождалась.

Увлечение «виртуальными контактами» достигло такой стадии, что он и на работе грезил иногда с открытыми глазами, часами просиживая в одном положении. И хотя это не сказывалось на работе, так как он исправно решал предлагаемые задачи, коллеги потихоньку стали его сторониться. Что заставило Уварова быть сдержаннее. Он не хотел, чтобы его считали шизиком.

В пятницу, тридцатого мая, команда преферансистов снова собралась в коттедже Новихина в восемь вечера. Первым приехал Уваров, вторым Хаевич, третьим Коренев. Опаздывал, как обычно, Новихин, хотя это обстоятельство никого не доставало. Игорь после работы тренировался в спортзале «Динамо», поэтому и появлялся дома не раньше девяти часов вечера.

– Ну, что ты интересненького за это время увидел? – спросил Хаевич, разливая пиво по кружкам.

– Как строились первые искусственные сооружения, – сказал Уваров спокойно.

– Шутишь? – недоверчиво посмотрел на него Олег. Коренев засмеялся.

– Я гляжу, математики не отличаются от охотников. А по фантазии и вовсе могут дать им фору.

– Может, это не фантазии, – не поддержал его Хаевич. – Может, у Сан Саныча действительно прямая связь с космосом. Может, он новый русский видящий.

Уваров невольно улыбнулся в ответ.

– Новый русский видящий – это круто.

– Нет, ну ты же в самом деле видишь то, о чём говоришь?

– Допустим.

– Что значит – допустим?

– А если я фантазирую, готовлюсь стать писателем по твоей рекомендации?

Хаевич хмыкнул, разглядывая лицо Уварова поверх

кружки, погрозил ему пальцем:

– Не калапуцкай мне мозги, Сан Саныч. Лучше поделись открытием. Какие такие искусственные сооружения ты видел? Где? Я читал одну бредовую учёную статью, где утверждалось, что мы единственные разумные твари во Вселенной.

– Жизнь возникла миллиарды лет назад, разум тоже.

– Зелёные человечки? – Коренев подмигнул Хаевичу.

– Никаких зелёных человечков нет, – возразил Уваров серьёзно. – Гипотез о формах жизни действительно много, но я берусь утверждать, что первые разумные существа, появившиеся ещё до формирования галактик, были негуманоидными.

– Какими?

– Не похожими на человека, – пояснил Хаевич. – Как же эти негуманоиды могли появиться, если тогда и планет-то не было?

– Были звёзды. Первыми разумными стали плазмоиды в их атмосферах.

– Ну, это ты загнул, Сан Саныч. Разумные должны думать. А чем могли думать твои плазмоиды?

– Первичная основа мышления заключается в структуре жизненной формы, а не в материале, его образующем.

– Повтори то же самое, только помедленнее и попроще.

– Мужчины, давайте по бокальчику, – разлил по кружкам пиво Коренев. – Жарко, не до философии.

– Нет, пусть он расскажет, что видел.

– Систему джетов, – буркнул Уваров, теряя запал. Хаевич упорно пытался его разговорить, и это почему-то Александру Александровичу не нравилось.

– А это что ещё за фигня?

– Джеты – длинные лучевидные выбросы пыли и газа из звёзд. Нынешние, наблюдаемые астрономами, достигают миллиардов километров, а давние ещё длиннее.

– Каким образом из них можно делать сооружения?

– Первые разумные плазмоиды строили из них целые фотонные системы, которые потом соединялись в компьютерные иерархии.

– Какие иерархии?!

– Да отстань ты от человека, – осуждающе сказал Коренев. – Он фантазирует, а ты веришь. Как там у классика? Особенно долго мы помним то, чего не было.

Уваров хотел возразить, что он вовсе не фантазирует, но встретил взгляд Михал Михалыча (тот подмигнул ему) и кивнул.

– Ну, есть немного.

Хаевич разочарованно цыкнул зубом.

– Я думал, ты серьёзный человек, Сан Саныч. Хотел поговорить о жизни как о категории развития материи.

– Жизнь всего лишь заразная болезнь планеты, – хохотнул Коренев, снова подмигнув Уварову, – от которой можно легко избавиться с помощью разума.

Уваров улыбнулся. В настоящее время, убедившись в стремительном отдалении вектора технического прогресса от вектора духовного развития человечества, он думал примерно так же.

Хаевич успокоился, хотя и продолжал время от времени задавать каверзные или ехидные вопросы.

Уваров больше отшучивался или отмалчивался, размышляя о странном поведении Коренева.

Пришёл Новихин, расслабленный после тренировки, но весёлый и жизнерадостный.

Пужинали, сели играть.

Первым сдал Уваров.

– Мизер! – заявил Хаевич, хмельной от выпитого и потому нерасчётливо смелый.

– Пас, пас, – отозвались Новихин и Коренев.

В прикупе оказались две дамы.

– Блин! – с изумлением сказал Хаевич, глядя на карты. – Мне же нужна была девятка пик...

– Что, чистый? – осклабилсЯ Новихин. – Не надо записывать?

По лицу Олега пробежала сложная гамма чувств. Было видно, что он понадеялся на фарт, но ошибся.

– Записывайте.

Как оказалось, дамы пришли к другим мастям, которые Хаевич понадеялся сбросить, после чего пробои только увеличились. После сброса и его выхода в семёрку треф стало

ясно, что он ещё и неправильно пошёл. Поэтому ловля завершилась тем, что у Олега отобрали нужные масти, и он получил пять взяток.

Впрочем, его это не сильно обескуражило и не остановило. Хаевич отличался бесшабашностью и верил в удачу, переоценивая свои силы. Лишь к концу игры он слегка выправил своё положение – пошла карта, как говорят, – и смог чуть-чуть отыгаться.

В начале первого ему позвонили из какого-то клуба, и он с Новихиным засобирался на очередную тусовку, забыв о проигрыше. Будучи клубным завсегдатаем, Олег не упускал возможности расслабиться, «оттянуться» по полной программе, послушать приятную музыку и потанцевать.

Прощаясь, он пожал руку Уварову, шепнул на ухо:

– У меня завтра дело в вашем районе, заеду, поговорим.

– Заезжай, – пожал плечами Александр Александрович. –

Я буду после одиннадцати.

Новихин и Хаевич уехали на «Порше» Олега.

Подъехала «БМВ» Коренева.

– Сегодня меня везут за город, – сказал он, довольный результатом игры. – Так что ты приедешь домой вовремя.

– Вовремя, – хмыкнул Уваров, глянув на часы; шёл второй час ночи. – Хорошо, что Олег сегодня был в ударе, спонсировал всю игру.

– Да, рисковал он по-крупному, – засмеялся Коренев. – Даже к тебе не приставал с расспросами, в каком космосе ты

летал.

Уваров махнул рукой.

– Космос один. Но его доменная структура сложная.

– Тебе не кажется, что у Олега какой-то воспалённый интерес к твоим снам?

– Это его проблемы.

– Я верю, что ты видишь необычные сны.

– Вижу. Только это не сны, Михал Михалыч.

– Ладно, расскажешь потом. Держи лапу и не гони на своей ракете, щас менты везде с радарамы стоят.

Уваров хлопнул по подставленной ладони, тронул машину с места.

Фонарь справа, за перекрёстком, погас и вспыхнул снова, напомнив ему последнее **странствие**: впервые в жизни Уварову удалось наблюдать схлопывание остатка старой красной звёзды-гиганта в чёрную дыру. Но гораздо более интересным был процесс строительства колоссальных гигантских звёздных систем наподобие снежинок, чем занимались первые цивилизации Вселенной с помощью чёрных дыр. Как они это делали, было непонятно, потому что Уваров не знал механизма, способного управлять передвижением первичных звёзд. Но результат был виден издалека: по космосу то здесь, то там поплыли удивительные лучистые «конструкции» из звёзд, имеющие чёткую геометрическую форму. Это случилось уже в первый миллиард лет после Большого Взрыва, породившего Мироздание.

Гораздо позже, когда звёзды объединились в галактики, а галактики выстроились в скопления, образовавшие сетчатую-волокнистую структуру, начали появляться уже другие формы жизни, в том числе биологического вида, на основе углеродной или кремниевой органики...

Уваров повернул на Алабяна, снизил скорость, поднимаясь на мост через железнодорожные пути, увидел внизу, на съезде, чёрный «Фольксваген Туарег» и двух гаишников рядом. Порадовался, что снизил скорость. Однако это не помогло. Один из инспекторов сделал Уварову жест дубинкой – к обочине. Уваров послушно остановился, уверенный, что правил не нарушал.

– Документы, – подошёл инспектор, не козыряя; погоны у него были капитанские.

Второй инспектор, тоже с капитанскими погонями, очень толстый, с широким неприятным лицом, обошёл «Ауди» с другой стороны.

Уварову это не понравилось. Он впервые видел, чтобы в патруле участвовали сразу два капитана полиции.

– Представьтесь, пожалуйста, – кротко попросил он.

Капитаны переглянулись.

– Документы, – снова потребовал первый капитан, пожиже телосложением.

– Представьтесь, – упрямо мотнул головой Уваров, уже понимая, что его остановил вовсе не рядовой патруль ДПС.

Капитан взялся за кобуру.

И в этот момент на мосту появились две машины, ехавшие со стороны улицы Народного Ополчения, «БМВ» и джип «Инфинити», они притёрлись к тротуару, остановились.

Из первой тяжело вылез Коренев, из второй двое парней в тёмно-серых костюмах. Коренев подошёл к машине Уварова, глядя на замерших капитанов.

– Что тут у вас происходит?

– Михал Михалыч! – приятно удивился Уваров. – Я просто ехал, они остановили...

– А вы кто такой? – осведомился толстый представитель власти.

Парни Коренева подошли ближе, явно готовые вмешаться в происходящее.

– Я заместитель директора Московской биржи, – сказал Коренев. – Этот человек мой друг. Насколько я знаю, он никогда не нарушает правила дорожного движения. – Михал Михалыч посмотрел на Уварова. – Сан Саныч, ты нарушал?

– Да ни боже мой, – честно сказал Уваров.

Капитаны снова переглянулись.

– Мы хотели проверить документы, – начал первый.

– А у вас есть основания? Или мне позвонить куда следует, выяснить, к какому ведомству вы относитесь?

Толстый капитан молча двинулся к «Туарегу», скрылся в кабине.

Его напарник помедлил, оценивающе глядя на охранников Коренева, повернулся и сел в джип.

«Туарег» сорвался с места, повернул на улицу Маршала Рыбалко, скрылся из глаз.

– Похоже, они ждали именно тебя, Сан Саныч, – хмыкнул Коренев, провожая джип глазами.

– Кто?

– И я хотел бы знать кто.

Уваров почувствовал холодок под ложечкой.

– Я же ничего не сделал.

– Поменьше болтай, как ты там путешествуешь по космосу, – посоветовал Михал Михалыч. – Зайди завтра ко мне в контору, поговорим.

– Я уже Олегу обещал.

– Зайди сначала ко мне. – Коренев поманил одного из парней пальцем. – Серёжа, проводи математика. – Он сунул руку Уварову в боковое окошко. – Спокойной ночи, Сан Саныч.

«БМВ» Коренева развернулся в сторону Мневников, уехал. «Инфинити» остался.

– Мы поедем за вами, – сказал парень, которого Михал Михалыч назвал Серёжей.

Сбитый с толку Уваров завёл двигатель и повёл свою синюю «Ауди» домой.

4. Извне-2

Коренев посмотрел в зеркальце заднего вида, потрогал родинку в уголке губ; это был микрофон рации.

– «Фольксваген Туарег», номер У 111 АА 199.

– Поняли, перехватили, – ответили ему.

Он достал мобильник, набрал номер:

– Завтра он будет у меня.

– Вы уверены, что мы на правильном пути? – спросил его мужской голос.

– Не похоже, что он фантазирует. Да и конкуренты не стали бы заявлять о себе, не имея резона.

– Слишком уж грубо они работают.

– Может быть, торопятся, понимая, что и мы ищем хроника. Кстати, любопытно, что сам он назвал свою игровую матрицу психроникой.

– Действительно, интересно. Он не догадывается, что вы его ведёте?

– Возможно, задумается после сегодняшнего приключения, индивид он умный. Но завтра придёт ко мне, уверен.

– Не выпускайте его из виду.

Корнев спрятал мобильник в карман, кивнул.

«БМВ» поехала быстрее.

5. Расширение

Планета была больше Земли и располагалась к своему не слишком яркому светилу ближе, отчего с поверхности она выглядела исполинским розовым пузырьём, окутанным лиловыми космами протуберанцев.

Пейзаж был красив, но не природные ландшафты сейчас интересовали Уварова. Он «стоял» на вершине горы и смотрел на долину в горах с высоты трёх километров, жадно рассматривая причудливую вязь золотых куполов, соединённых сверкающими жилами чешуйчатых труб. Это были сооружения местной цивилизации, созданной разумными птицами (по крайней мере у них имелись крылья), и геометрически совершенный пейзаж был не менее красив, чем природный.

Звезда не вращалась вокруг ядра Млечного Пути, принадлежала рассеянному скоплению в двух миллиардах световых лет от Солнца. Но её цивилизация была почти сверстником человеческой, опережая её в развитии буквально на пару сотен лет. Уваров специально искал такую, современную и не угасающую, близкую человечеству хотя бы по времени, однако нашёл её слишком далеко от родной Галактики. Преодолеть бездну пространства размером в два миллиарда световых лет человек не мог. Надо было искать «родственников» поближе к Солнцу.

Уваров «выплыл» из *странствия* в собственную кровать, полежал немного, отдыхая, потом вдруг решил пошарить не в прошлом, а в будущем, готовый с лёгкостью отказаться от затеи, если поиск не удастся.

Мысль-воля оторвалась от тела, вылетела за пределы квартиры, дома, города, преодолела атмосферу, поднялась над Землёй и неощутимым сгустком понеслась к звёздам соседнего галактического витка – Рукава Персея. Пронизала

его, затем проскочила Наружный Рукав, вышла за пределы Млечного Пути.

Несколько минут Уваров любовался волшебной панорамой Галактики, состоящей из нескольких спиральных рукавов, потом сосредоточился на прыжке в будущее.

Его снова объяла Великая Тьма.

Куда бы он ни повернулся, куда бы ни кинул взор, нигде не было видно былого звёздного великолепия. Его окружали пустота и темнота, мрак и молчаливое пространство, заполненное редкими скоплениями холодной пыли и тёмными шарами остывших планет и звёзд. Лишь где-то очень далеко, не определить – на каком расстоянии, мелькнул алый огонёк: это догорал один из последних красных карликов, переживший остальные звёзды.

К этому времени видимое глазом излучение рассеялось в пустоте, не в силах оживить небо, согреть планеты или придать погасшим галактикам хотя бы слабое сияние. Звёзды перестали светить, их эпоха закончилась. Началась эпоха распада материи, сохранившейся в редких коричневых карликах, нейтронных звёздах и чёрных дырах.

Возраст Вселенной к этому моменту достиг ста триллионов лет...

Уваров «нырнул» обратно в тело, ощущая головокружение, хватая воздух ртом как рыба, выброшенная на берег.

Он был ошеломлён. Причём не тем, что увидел приближающийся конец Вселенной, её медленное угасание, а тем,

что ему вообще удалось заглянуть в будущее. Раньше о таких перспективах он даже не мечтал.

Уваров выбрался из спальни, стараясь не разбудить жену, напился на кухне холодного клюквенного морса, лёг снова и сосредоточился на **странствии**, имея цель поискать в будущем цивилизации, которые ещё только должны были сформироваться.

Очень захотелось узнать, сколько времени проживёт человечество и кто придёт ему на смену.

6. Посетитель

О своём обещании зайти к Михал Михалычу в его офис Уваров забыл. Но Коренев сам напомнил ему о себе, неожиданно заявившись в институт.

Отдельного кабинета у Александра Александровича не было, поэтому решили посидеть в малом конференц-зале на первом этаже.

– Извини, что отвлекаю, – сказал Коренев, оглядев пустой зал. – Нет времени ждать. Похоже, у тебя есть информация, которая нам нужна.

– Бирже? – удивился Уваров.

– Почему бирже? – не понял Коренев. Был он нынче какой-то рассеянный, не похожий на себя.

– Ты же зам президента биржи.

Михал Михалыч отмахнулся.

– Нет, речь не обо мне. Садись, поговорим.

7. Извне-3

– Внимание всем группам! Готовность «ноль»!

Три десятка человек, получившие этот сигнал, замерли, готовые действовать в соответствии с задачами, стоящими перед ними.

8. Неожиданное

Они сели на стулья перед подиумом с небольшой трибуной.

– Я представляю одну организацию, «Ксенфорс» называется, которую интересуют твои... – продолжил Коренев и не закончил.

В зал торопливо вошёл... Хаевич! За ним проследовал какой-то крупногабаритный мужчина с большой головой и бесцветными глазами, в тёмно-коричневом костюме и свитере с воротником, закрывающем шею до подбородка.

Заметив Коренева, Олег остановился, впившись глазами в его лицо. Михал Михалыч встал. Некоторое время они смотрели друг на друга оценивающе и ожидающе.

Уваров перевёл взгляд с одного на другого, внезапно прозревая, что его коллег по преферансу в данный момент интересуют совсем другие материи.

– Мы начали первыми, – сказал Хаевич мрачно, совсем не так, как разговаривал всегда.

Коренев пожал плечами.

– А мы шли за вами.

– А если мы ошибаемся и он не хроник? – прищурился Хаевич.

– Проверим.

– Проверять будем мы.

Коренев поднёс к губам запястье руки с часами.

– Контакт!

В зале, как чёртики из табакерки, появились трое парней в чёрных костюмах, с пистолетами в руках.

Одного из них Уваров узнал: этот парень по имени Серёжа приезжал с Кореневым, когда математика остановили полицейские.

Хаевич засмеялся.

– Лихо работаешь, Михал Михалыч! Но ведь, как говорится, и мы не лыком шиты.

Он больше ничего не добавил, но в зале за спинами парней Коренева возникли такие же круто-плечие и мощные молодые люди, вооружённые пистолетами.

Спутники Коренева сунули руки под полы пиджаков.

– Предлагаю разойтись мирно, – сказал Хаевич. – Мы за ним следим уже три месяца.

– Мы тоже.

– И всё-таки приоритет за нами.

– Не уверен.

– В таком случае давайте решим всё как в добрые старые времена: подбросим монету, кому выпадет реверс, тот и забирает его.

– Да кто вы такие, в конце концов?! – обрёл дар речи Уваров. – Я уже догадался, что вы из разных контор, хотя никогда не думал, что играю с сотрудниками спецслужб. ФСБ, разведка, что там ещё у нас есть?

– Долго объяснять, – сказал Коренев.

– Ничего, я не спешу.

Коренев посмотрел на Хаевича.

– Патовая ситуация, коллега. Начнёте стрелять – она выйдет из-под контроля. Может быть, вызовем координаторов?

– Моих людей больше, – не согласился Хаевич. – Мы контролируем обстановку.

– Не уверен.

– Могу доказать.

– Попробуй.

Парни Хаевича наставили на парней Коренева оружие.

И в этот момент с грохотом распахнулись двери запасного выхода. В зал стремительно ворвались люди в пятнистых комбинезонах.

Парней Хаевича сбили с ног ворвавшиеся в зал через главный вход спецназовцы другой группы. В мгновение ока все присутствующие в конференц-зале были окружены и оказались в прицелах пистолетов-пулемётов.

Хаевич и Коренев, шокированные случившимся не менее Уварова, оглядели цепь спецназовцев, посмотрели друг на друга.

– Это твои? – одновременно спросили они.

– Нет. – В зал вошёл мужчина средних лет, одетый в светло-серый гражданский костюм. Уверенный в себе, сероглазый, с твёрдым волевым лицом. – Это мои люди.

С лицом Хаевича что-то произошло: на мгновение оно стало *странным*, почти нечеловеческим.

– «Триэн»! «Застава»!

– Совершенно верно, господа ксенотики. Мы из русской погранслужбы. – Мужчина поманил кого-то пальцем. – Солома, всех задержанных – на базу.

– Слушаюсь, – козырнул спецназовец.

– Уж-ж-рсш! – проскрежетал Хаевич.

Коренев сунул руку в карман.

Два ствола пистолетов-пулемётов «Бизон» повернулись к нему.

– Не стоит, Михал Михалыч, или как вас там, – покачал головой мужчина в костюме. – Жизнь дороже. Или в вас заложена программа самоликвидации?

Коренев подумал, вынул руку из кармана.

Мужчина кивнул.

– Правильно, не стоит погибать ради бессмысленной попытки доказать твёрдость духа. Каковой у вас скорее всего нет. Кстати, где *настоящий* Коренев?

– Жив, – коротко бросил Михал Михалыч.

– А Олег Хаевич? – Мужчина бросил взгляд на Хаевича. Тот скривил губы.

– Он слишком агрессивно себя вёл.

– Понятно.

– Э-э-э, – выдавил Уваров.

Все посмотрели на него.

– Вы сказали... они – ксенотики... что это значит?

Мужчина усмехнулся, глянул на приятелей Уварова.

– Покажите ему свою *суть*.

Хаевич ухмыльнулся в ответ, явно наслаждаясь растерянностью Александра Александровича, и вдруг лицо его стало изменяться, сузилось, превратилось в странную маску желтоватого цвета, напоминающую змеиную морду.

Лицо Коренева тоже изменилось, обрело цвет слоновой кости, и Уваров содрогнулся: сквозь щели глаз на него посмотрел самый настоящий динозавр!

9. Риск – благородное дело

Беседовали в машине мужчины в гражданском, которого все звали то полковником, то просто Петровичем. Полное имя его было – Иван Петрович Гордеев.

Потрясённый Уваров слушал собеседника и всё время ловил себя на мысли, что участвует помимо воли в каком-то чудовищном спектакле. При этом всё происходило наяву, он не

спал, не грезил с открытыми глазами, и полковник, обыденным тоном излагавший невероятные теории, казался вполне нормальным человеком.

– Землю контролируют две внешние силы, – начал он, когда спецназ «упаковал» в спецтранспорт Хаевича с Корнеевым, оказавшихся эмиссарами *чужих*, и Уварова проводили к джипу Гордеева. – Одних мы условно называем змеями, других ящерами. Одни работают на «Ксенфорс», другие на «Герпафродит». На вас мы вышли случайно, когда в поле зрения наших наблюдателей попал Игорь Новихин.

– Он что, тоже из этих, из змей? – вяло удивился Уваров.

– Нет, он теневой биржевой игрок, хотя официально считается начальником службы безопасности Московской газовой биржи. В последнее время он стал часто выигрывать, применяя какую-то странную стратегию. Мы понаблюдали за ним и поняли, что он работает на структуру ящеров. Взяли в разработку, вышли на вашу компанию и обнаружили, что за вами ведётся наблюдение сразу с двух сторон.

– На кой я им нужен?

– А вот тут много необъяснимого, – согласился Гордеев; джип помчался по Москве в сторону МКАД. – Они называли вас хроником, то есть человеком, способным скачивать информацию из прошлого. Это действительно так?

– Да, я вижу происшедшие события, – признался Уваров. Гордеев пристально посмотрел на него.

– И можете указать координаты исчезнувших цивилиза-

ций?

– В общем, могу. Но я хотел бы сначала уточнить...

– Что?

– Вы из какой-то погранслужбы. Это государственная...

– Организация «Триэн» – негосударственная частная структура. Она получила своё название от аббревиатуры «Никого над нами». «Застава» – одно из её подразделений, имеющее тем не менее статус внутренней пограничной службы России. Мы уже два года работаем как чистильщики российского социума, поставив целью избавить страну, да и всё человечество в целом, от внешнего контроля.

Уваров недоверчиво прищурился.

– Вы считаете, это возможно?

Гордеев пожал плечами.

– Хорошо, что вы не задали более логичный вопрос: не сбрендили ли мы? Я уверен в одном: пора освободиться от паразитирующих на нас ксенотиков. Возможно, именно этот фактор мешает людям развиваться этически. Пока же и змеи, и ящеры с успехом используют в своих целях тех, кто жаждёт власти любой ценой, и поддерживают в психически неустойчивых личностях эту жажду.

– Неужели Михал Михалыч...

– Нет, Коренев не согласился работать на ящеров, вместо него они запустили своего агента под личиной Коренева.

– Я не заметил.

– Тонкая работа, – согласился Гордеев.

– Значит, Михал Михалыч жив?

– Мы его вызволим. А вот Хаевич погиб. Сначала он согласился работать на змей, потом решил поторговаться и...

– Гады!

– Полностью с вами согласен, – кивнул Гордеев. – Вот, глотните. – Он подал Уварову плоскую фляжку. – Травяной тоник. Не бойтесь, нам травить вас ни к чему.

Уваров сделал несколько глотков, освеживших рот. Голова прояснилась.

– Спасибо.

– Вы не ответили на вопрос. – Гордеев упрятал фляжку в карман.

– Я думал, вы работаете на ФСБ.

– Работаю, начальником службы внутренней безопасности. Хотя при этом служу России и на другом поприще.

– Я могу вам верить?

Гордеев выдержал взгляд Александра Александровича.

– Можете. Если нам удастся использовать ваши знания, мы победим.

– Я вижу не только прошлое, – вдруг признался Уваров.

В глазах Ивана Петровича отразилось сомнение.

– Как вас понимать?

– Я вижу будущее. Правда, весьма отдалённое.

Гордеев на какое-то время замолчал, пребывая в ступоре. Сказал наконец тихо:

– Хроник... видящий будущее...

– Хотите верьте, хотите нет.

– Это же невозможно... Извините. Бог ты мой! Неужели вы откажетесь работать с нами? Да ведь мы по-настоящему выйдем в космос! Вам это не интересно? Вся жизнь впереди!

– Раздёнсья и жди, – бледно улыбнулся Уваров.

– Что?

– Я пошутил. Понимаете, мне уже пятьдесят...

– Это не возраст.

– В пятьдесят мало кого тянет на подвиги.

– Не ставьте себе диагноз.

Уваров мысленным усилием «улетел» в пространство без звёзд, озаряемое лишь всполохами распадавшихся атомов.

Будущее...

А ведь и вправду интересно посмотреть, что ждёт человечество впереди. Справится ли оно с ящерами и змеями? Да и с самим собой. Ну а если змеи устроят за ним охоту?

– Они не оставят вас в покое, – проницательно покачал головой Гордеев. – В одиночку с ними не справиться.

Уваров очнулся.

– Всё равно страшно... я могу умереть.

Гордеев засмеялся.

– Для того чтобы умереть, достаточно родиться.

– С другой стороны, риск – благородное дело. Если вы пообещаете мне...

Гордеев посерьёзшел.

– Мы найдём способ защитить вас и ваших близких. Соб-

ственно, мы их уже охраняем. Куда вас доставить? На работу, домой?

— К вам, — сказал Уваров, сомневаясь в своей трезвости. — Я хочу знать всё.

Гордеев посмотрел на водителя.

— Солома, к Дэну.

Водитель оглянулся на Уварова, подмигнул ему.

— Поработаем, Сан Саныч?

Уваров проглотил ком в горле, и перед его мысленным взором снова развернулась необозримая панорама Большого Космоса.

Глава 3

Что было

1. Локус контроля

Проснулся он выпавшийся, свежий, энергичный, словно голову продул морозный ветерок с запахом нашатыря. Захотелось чего-то необычного, нестандартного, отличающегося от рутинного утреннего распорядка: кофе – бутерброд – работа.

«Выпей шампанского», – подсказал внутренний собеседник Ватшина.

«Шампанское по утрам пьют только аристократы и дегенераты», – напомнил он высказывание героя Папанова из фильма «Бриллиантовая рука».

«Тогда спляши», – съязвил оппонент.

«Люсю разбуджу».

«Полетай в космосе, ты же у нас известный звёздный скиталец, как сказал Миша Велюр, двадцать романов на эту тему настрочил».

Ватшин показал сам себе кулак, поднялся, стараясь не разбудить спящую жену, накинул куртку, вышел на балкон, достал из пачки сигарету.

С высоты пятого этажа была видна покрытая льдом

Москва-река с редкими «кочками» рыбаков, заснеженный лесок по ту сторону реки и высотки Строгино за ним. Наступило хмурое январское утро, рассвело, шёл уже десятый час, но сегодня была суббота, и Люся отсыпалась, не собираясь вставать рано.

Внизу послышался треск шипованных шин подъехавшей автомашины, слышный гораздо сильнее, чем гул мотора.

Ватшин посмотрел на дорогу, подходившую к дому почти вплотную.

Из остановившегося джипа «Инфинити» золотистого цвета вылез мужчина в чёрной куртке, посмотрел на дом, в котором проживали супруги Ватшины. Глаза его встретились с глазами писателя.

Ватшин застыл как заворожённый, держа сигарету двумя пальцами.

Замер и водитель джипа, заметив курильщика на балконе. Потом вдруг засуетился, нырнул обратно в кабину, джип заурчал, тронулся с места и исчез за углом дома.

Блин! – подумал Ватшин, приходя в себя. Какого чёрта он испугался?

Настроение потускнело. Вспомнились наставления Гордева – сообщать ему обо всём подозрительном, встречавшемся в повседневной жизни. Однако начинать утро с жалобы на странного водителя не хотелось, как не хотелось и верить в то, что он приехал специально для того, чтобы напугать писателя. Это было несерьёзно.

Ватшин смял недокуренную сигарету о дно пепельницы, вернулся в квартиру.

В памяти всплыл текст присланного по электронной почте файла, подписанного неким Кротовым. Иван Петрович сказал, что никакого учёного-футуролога по фамилии Кротов на самом деле не существовало. Зато существовал Крот – человек, обладавший уникальной способностью видеть будущее. Таких людей анксы называли хрониками, и ящеролюди, а также их оппоненты-змеелюди очень хотели иметь в своём стане как плюс-хроников, то есть видящих будущее, так и минус-хроников, видящих прошлое. Вот почему они заволновались, прочитав роман Ватшина «Никому не верить»: инопланетные «пастухи», наводнившие Землю и сражавшиеся меж собой за право управлять человеческим «стадом», решили, что писатель-фантаст Константин Ватшин – хроник! Либо знает кого-то из этих по сути экстрасенсов, свободно читающих будущее и прошлое. И устроили за ним слежку, а потом и вовсе решили тихонько ликвидировать!

Ватшин невольно глянул на спящую жену.

Людмила оказалась вовсе не такой пугливой, легкомысленной и простодушной особой, какой он её знал все четыре года совместной супружеской жизни. Выяснив, в чём дело, она не кинулась уговаривать мужа со слезами на глазах «бросить писать правду», не стала предъявлять претензии типа «ты мне всю жизнь испортил!» и угрожать, что бросит. Она просто приняла к сведению новые обстоятельства и пообещала

щала следовать за ним куда угодно, если придётся резко изменить образ жизни.

– Даже на край света! – храбро заявила она.

Однако такой самоотверженности пока не требовалось.

Служба безопасности «Заставы» задержала двух функционеров, служащих ящеролюдям, которые угрожали Ватшину, приставила к нему охрану, и всё успокоилось на какое-то время.

Ватшин получил от издательства компенсацию за отказ печатать роман о ксенотиках и начал новый – о путешествии во времени.

Люся продолжила работать в муниципалитете, мечтая о путешествии на море.

Жизнь наладилась. А о случившемся в конце декабря напоминал лишь охранник, провожавший Ватшина во время его поездок по городу, и редкие звонки Гордеева.

Константин закрылся на кухне, сварил себе кофе в джезве.

Снова вспомнился присланный Кротовым материал.

Если убитый ящеролюдьями хроник не привирал, на Земле уже сотни лет жили инопланетяне, маскируясь под людей. Они пробрались во все властные институты большинства государств, диктовали свои законы, подчиняли несогласных своим порядкам и завладели самыми важными инструментами управления народами, позволяющими им беспрепятственно вести свою политику: институтами образования, науки, культуры, средств массовой информации и те-

левидения. Способов борьбы с ними Кротов не знал, и Ватшину, привыкшему скрупулёзно, до мелочей, продумывать канву будущего романа, пришлось домысливать эти способы самому. Каково же было его удивление, когда он столкнулся с *настоящими* «бесогонами», как иронично называли себя реальные борцы с «пастухами», создавшие организацию «Застава». До сих пор Ватшину казалось, что все они придуманы им, а война с «пастухами» ведётся понарошку, виртуально, как новая стратегическая онлайн-игра.

Снова вспомнилось нападение бандитов, а точнее – киллеров ящеролюдей, когда Ватшин с Люсей собрались ехать на дачу под Новый год. На игру это было похоже мало, и он со вздохом признался сам себе, что приходится подчиняться правилам этой игры, финалом которой запросто может быть смерть.

– К чёрту! – решительно оборвал он горестные воспоминания. Мы ещё посмотрим, кто кого! Что там писал Кротов? В тексте были какие-то рекомендации – как стать таким же хроником. Ну-ка, память, давай, напрягись, вытаскивай забытое!

Ватшин углубился в кладовые памяти, не востребованные до сих пор, остро пожалев, что не догадался сбросить полученный год назад файл кому-нибудь из друзей. Не пришлось бы в этом случае и память мучить.

Итак, Кротов советовал для начала научиться концентрировать внимание на достижении цели – при умении медити-

ровать и не отвлекаться. Этому Константин научился давно, поскольку работа писателя требовала именно такого сосредоточения. Если уж он попадал в созданный собственным воображением мир, то начинал там жить и возвращался обратно в мир реальный, только когда кончалась энергия. Когда он уставал.

Хорошо, пошли дальше.

Кротов советовал научиться «спускаться вниз», к источнику всего сущего. Что он имел в виду? Физическую картину мироздания? Вселенная, по мысли космологов, родилась после Большого взрыва. Значит, надо нарисовать умозрительно этот взрыв? Момент рождения Метагалактики?

Ватшин закрыл глаза, представил, как это может выглядеть.

В пустом и чёрном пространстве загорается звёздочка...

Стоп! По современным теориям, существует Большая, Бесконечная, вечно кипящая Вселенная, заполненная не пустотой (пусть простят меня учителя словесности), а перетекающей из одного состояния в другое энергией. Значит, в сверкании вихрей *той* Супервселенной загорается сверхмалая звёздочка и стремительно начинает расширяться. Этот этап учёные, кажется, называли инфляцией. Что дальше?

Звёздочка за сверхкороткий отрезок времени расширяется до гигантских размеров и превращается... во что она там превращается? Со стороны не видно, надо попасть внутрь. Итак, мы внутри...

Ватшина обняла невероятная космическая **пустота**, пронизанная не менее невероятной **тишиной**! *Ничто*, из которого родилась будущая Метагалактика, продолжало расширяться, превращаясь в настоящее трёхмерное (а может быть, и многомерное) пространство, ещё не заполненное материей. Ватшину даже показалось, что он может пить эту *пустоту*, как воду.

А затем весь этот невообразимо колоссальный объём, который невозможно было на самом деле назвать ни вакуумом, ни пустотой, ни пространством, *взорвался* ещё раз, превращаясь в пламя перворождённых элементарных частиц – суперструн, сверхточек, кварков и глюонов. Началась эпоха рекомбинации – превращения первичных кирпичиков Мироздания в элементарные частицы – протоны, нейтроны и электроны, которые через миллион лет образовали первые звёзды, протогалактики и протопланеты...

Ватшин вынырнул из своего мысленного путешествия, как пловец из воды, хватая ртом воздух. Обливаясь, допил остывший в чашке кофе.

Бог ты мой! – подумал он с испугом. Я ведь и в самом деле видел *это*! Значит, Кротов не зря именно мне прислал компромат на ксенотиков? Я тоже – из тех, кто *видит*?

Захотелось снова вернуться в прошлое, посмотреть, чем закончится эпоха рождения первых звёзд.

Однако на кухню вдруг зашла заспанная, в одной ночной рубашке, Люся, и Ватшин с сожалением отложил идею по-

бродить по древней Вселенной, заполненной «дымом» начавшихся термоядерных реакций. Обнял жену, уткнувшись носом в её грудь.

– Разбудил? – Он поцеловал её.

– Я сама встала, – сонным голосом ответила она, прижав его голову к себе.

– Кофе хочешь?

– Хочу. – Люся улыбнулась, когда губы мужа нашли сосок груди под рубашкой. – Ты работал?

– Точно, – проговорил он с заминкой, не спеша признаваться о своём мысленном путешествии в прошлое. – Иди умывайся, пока я кофе сделаю.

Люся послушно двинулась к двери, оглянулась.

– Знаешь, вчера меня с работы один молодой человек провожал.

– Вот как? – сдвинул он брови с нарочитой угрозой. – Кто? Я его знаю?

– Я сама его не знаю.

Ватшин засмеялся.

– А говоришь – провожал.

– Он сзади шёл, а когда я оглядывалась – прятался.

Сердце кольнула тревога.

– Этому нам не хватало! Ты его раньше видела?

– Нет.

– Почему же вчера не сказала?

– Забыла. – Люся вышла.

Ватшин повертел в руках пустую чашку и вдруг понял, что надо позвонить Гордееву. Интуиция подсказывала: ксенотики его не забыли.

2. Мера пресечения

Солома – кличку ему придумали ещё в школе из-за очень светлых, почти белых волос и из-за фамилии – по паспорту был Соломиным Виктором Андреевичем. Цвет его волос и в зрелом возрасте почти не изменился, как и характер, весёлый и простой, легко отзывающийся на шутки товарищей. При этом Виктор был классным оперативником, мастером рукопашного боя, тонким аналитиком ситуаций и не зря командовал спецгруппой «Заставы», по физическим и психологическим кондициям не уступающей таким подразделениям силовых служб, как «Альфа» и «Кобра».

После захвата представителей двух враждующих лагерей ксенотиков – ящеролюдей и змеелюдей, маскирующихся под добропорядочных граждан России, – Солома получил задание доставить обоих задержанных – Коренева (под маской бывшего полковника КГБ жил и здравствовал Зишта Драгон, человекоящер, сумевший устроиться заместителем директора Московской газовой биржи) и Хаевича (этот деятель был змеечеловеком по имени Зифа-Кифа) не на Лубянку, где у них наверняка были свои «люди», а на одну из баз «Заставы» в Чехове.

Задание было простым и лаконичным – доставить, и никак не комментировалось начальником службы безопасности «Заставы» Гордеевым. Но для его выполнения потребовалось совершить множество дополнительных манипуляций, в том числе – обставить исчезновение Коренева и Хаевича таким образом, чтобы оно имело под собой реальные основания. На это потребовалось время – двое суток, после чего в прессу просочились слухи о финансовых махинациях и бегстве обоих в «одну из европейских стран». Где их следы и затерялись.

Только завершив эту часть операции, Соломин и трое его оперов повезли отнюдь не «зелёных человечков» на базу, где с ними должны были поработать специалисты иного плана – контактёры, ксенопсихологи и эксперты в области изучения НЛО. Всё-таки успешный захват таких крупных «инопланетных дельцов» являлся делом редким, а пользы анксам они могли принести немало.

Солома не зря считался лучшим исполнителем такого рода операций. Он не стал спешить с реализацией задания, разработал план «Б» на случай непредвиденных обстоятельств и только после этого усадил ксенотиков в фургон «Мерседес» с надписью «Мороженое» на борту. Передислокация пленных на базу, которая располагалась недалеко от городка Чехов, на территории охотхозяйства «Люторецкое», должна была состояться ночью.

Выехали из Москвы в два часа ночи.

Интуиция не подвела его и на этот раз.

На пятьдесят первом километре Варшавского шоссе их ждала засада.

Кто её устроил, они разобрались позже. А в три часа ночи, когда машины группы, основная – фургон с пленными и сопровождения – джип «Кайенн», проехали Шарапово, Солома почувствовал «дуновение ветра угрозы» и отдал приказ «курок!», предписывающий группе быть готовой к нападению.

Через минуту впереди за поворотом показался съезд вправо, где стояли три автомобиля: грузовой фургон «Вольво», старенькая вазовская «Рено Лада» и полицейский «Форд» с мигалками.

Казалось бы, обычная дорожная ситуация, автоинспекторы останавливают для досмотра проезжающие по шоссе машины в плановом порядке. Однако Соломе не понравилось, что стоящие у машин люди сделали *слаженное* движение, заметив приближающиеся автомобили группы, и маневр этот был очень похож на тренированное действие под названием **рассредоточились**.

– Внимание, готовность «плюс»! – бросил Солома, сидящий рядом с водителем фургона.

Навстречу им выдвинулся инспектор ДПС, махнул полосатым жезлом, показывая на обочину.

Фургон «Мороженое» начал замедлять ход, потом рванул вперёд, объезжая инспектора.

Джип последовал за ним.

И тотчас же по бортам обеих машин сыпануло железным горохом: стреляли из-за фургона «Вольво», из автоматов!

Вскрикнул водитель «Мерседеса», пуля пробила дверцу и попала ему в локоть.

– Ответ! – рявкнул Солома.

Боковые окна джипа одновременно опустились, сверкнули выстрелы: оперативники сопровождения дружно ударили по фургону, по «Форду» и «Рено Ладе», затем по кустам вдоль дороги, где прятались ещё несколько стрелков.

Стрельба длилась несколько секунд. Затем сзади взорвался «Форд»: пули оперативников пробили бензобак.

Стрельба прекратилась.

Машины с пленными ксенотиками вырвались за пределы оцепленного участка шоссе.

– Задок? – вызвал Соломин джип, озабоченно поглядывая на побледневшего водителя, вцепившегося в баранку руля одной рукой.

– Нормально, один раненый, – доложили ему.

– Сейчас остановимся, посчитаем выбитые зубы. Мне тоже нужен врач.

Кортеж удалился от места стычки с неизвестными киллерами на два километра, прижался к обочине шоссе. Несколько секунд бойцы Соломы всматривались в лес, прислушивались к далёкому шуму, сжимая рукояти пистолетов-пулемётов, затем двое из них подбежали к фургону.

Водителю перебинтовали руку: пуля раздробила локтевой сустав парня, пришлось делать ему обезболивающий укол, его место занял сам Солома, доложил Гордееву о случившемся, и группа помчалась дальше.

Вскоре они уже въезжали на территорию охотхозяйства, охраняемую не хуже, чем военные базы Министерства обороны России.

Наутро Виктор встретился с Гордеевым и обстоятельно доложил все подробности ночного боя. Добавил задумчиво:

– А ведь они знали, что мы повезём ксенотиков на юг.

– Да понял я, – ответил Иван Петрович хмуро. – По всем признакам у нас завёлся ещё один «крот» ксенотиков. Будем работать, выявлять. А пока тебе новое задание: позвонил писатель, утверждает, что за его женой ведётся наблюдение. Взять под контроль, пресечь!

– Слушаюсь, – ответил Виктор, стирая с лица задумчивость.

Жил он один, поэтому ему не надо было отчитываться перед женой или родственниками, куда он исчезает и когда вернётся. Да и образ жизни не позволял бывшему десантнику ВДВ расслабляться. Получив приказ, Соломин сразу начал его выполнять.

Через час штатный охранник писателя был отозван, за квартирой Ватшиных было установлено наблюдение с использованием новейшей дальнозоркой аппаратуры и компьютерных анализаторов, а во дворе дома писателя появился

фургончик с надписью «ЖКХ Ремонт». В фургончике этом под видом работников жилищно-коммунального хозяйства поселились оперативники Соломы, готовые в три секунды сменить разводные ключи, лопаты и веники на пистолеты.

На следующий день – это было воскресенье – наблюдатели доложили о подозрительном «шевелении» вокруг дома писателя.

Во двор заехала машина «Скорой помощи», да так и осталась там, приткнувшись к сетчатому заборчику детсада.

Потом появилась подозрительная молодая парочка, усевшаяся на лавочке возле детской площадки. Пара принялась потягивать пиво из бутылки и обниматься. Но подозрительной она показалась не своим «отвязным» поведением, а тем, что бутылку пива – одну! – не смогла осилить за два часа сидения на одном месте. Что для современной молодёжи не являлось нормой.

Солома заинтересовался «Скорой», попросил Дэна «пробить» номер новенькой машины и выяснил, что она числится за шестьдесят седьмой больницей скорой помощи, но на данный момент находится в ремонте. Стало ясно, что во дворе дома Ватшина машина появилась неспроста.

Оперативники сфотографировали также молодую пару, не стеснявшуюся обниматься на виду у жителей близлежащих домов, фото разослали по всем центрам «Заставы», и к обеду Солома знал, что девушку зовут Моникой и что она работает секретарём заместителя мэра Москвы по строитель-

ству. Её напарником оказался телохранитель Коренева по прозвищу Дылда. Как ему удалось скрыться во время задержания самого Коренева, было непонятно, но его появление с Моникой только подтвердило подозрения Соломы в приближении каких-то событий.

Он вызвал группу усиления к дому Ватшиных и доложил Гордееву о своих предчувствиях.

– Жди, – коротко ответил Иван Петрович.

3. Очаг аффектации

Арнольд Метаксович Бесин, заместитель мэра по строительству, обедал, когда включился скайп личного айкома.

Он владел тремя квартирами в Москве (остальную недвижимость, за границами столицы и вообще за рубежом, можно было перечислять долго), но чаще всего бывал в роскошной шестикомнатной квартире площадью больше трёхсот квадратных метров, располагавшейся в «сталинской» высотке у метро «Баррикадная».

Квартира была «смонтирована» из трёх меньшей площади на пятнадцатом этаже и имела три входа: один «официальный», два других – запасные, охраняемые специальными нарядами из особо тренированных бойцов ВИП-охраны «Ксенфорс».

Кроме «Ксенфорса», на глобальную земную **делянку** претендовал и «Герпафродит» – союз ксенозмей, что сильно

ограничивало ящеролудей и огорчало лично Арнольда Метаксовича, или Шамшура Ашшурбазипала, как звали его на родной планете. Но гораздо больше бесила его деятельность «Триэн» – организации, координировавшей сопротивление людей влиянию «пастухов», которую всеми фибрами души он жаждал уничтожить.

Десять лет назад, когда «Триэн» только создавалась, никто не подозревал, насколько опасной она может стать. Но год от года «антиксенотическая» служба действовала всё уверенней, находила всё больше союзников в государственных структурах России, создавала оперативные подразделения типа вышедшей в последнее время на передний план «Заставы», начала чистить ряды властных кабинетов от агентов «Ксенфорса», и главный «пастух» России вынужден был начать с анксами настоящую войну.

К счастью, они не всегда добивались цели и допускали ошибки, которые приводили к поражениям в тех или иных важных областях социума. К примеру, анксы не смогли добиться отмены ЕГЭ и внедрения так называемых «новых стандартов образования», в результате чего Россия откатилась в данной области развития в хвост более развитых в этом отношении государств. Оглупление российского народа пошло быстрее. Но и «Ксенфорс» кое-где начинал проигрывать, чему стало свидетельством бегство хроника Крота, успевшего сбросить информацию о присутствии на Земле ксенотиков совершенно не опасному с виду человеку, писа-

телю-фантасту Ватшину. Который написал роман на основе ценнейших секретных данных и оповестил весь мир об истинном положении вещей!

Арнольд Метаксович в сердцах сплюнул, попал в тарелку с мелко нашинкованным шпинатом, резко отодвинул её в сторону.

«Застава» и здесь опередила «Ксенфорс», успев перехватить писателя и взять его под защиту. Теперь надо было изворачиваться и нейтрализовывать возникшую угрозу в лице писаки, тем более что он скорее всего был хроником, таким же, как математик Уваров. Этого тоже упустили агенты Зишты Драгона, который сам попал в плен к анксам.

Бесин сплюнул ещё раз, жестом подозвал домашнего повара, выполняющего, кроме всего прочего, роль официанта и телохранителя.

– Убери! Неси первое!

Повар склонил голову, быстро перетасовал тарелки, принёс луковый суп.

Арнольд Метаксович последние две недели худел, поэтому ел только некалорийную пищу, хотя это не помогало. Весил он уже больше ста сорока килограммов и остановить рост массы не мог. Надо было брать отпуск и лететь на родину, где имелись все возможности для *оптимизации* организма до нормального состояния. На Земле же для ящеролюдей было слишком много соблазнов, приводящих к печальным последствиям. Змеелюдям из «Герпофродита» в этом

отношении было намного легче, они от земной пищи не толстели и от земных наркотиков «не торчали».

Телефон завибрировал ещё раз.

Бесин глянул на высветившийся опознавательный индекс абонента, включил скайп.

Из футлярьчика айкома вырос световой конус, превратился в миниатюрную женскую головку.

– Мы готовы, Шур, – сказала Моника. – Писатель не выходил, сидит дома.

– Берите, – сказал Арнольд Метаксович. – Не захочет работать с нами – ликвидируйте тихо. Но прежде проверьте, кто его пасёт.

– Охранник один, торчит в машине.

– Учтите.

– Конечно, мы его... учтём.

Арнольд Метаксович выключил телефон. Настроение улучшилось. После ликвидации писателя одной проблемой станет меньше, а это всегда успокаивает.

Он даже песню замурлыкал, чем сильно удивил и озадачил повара, никогда прежде не видевшего босса в таком настроении.

Бесин заметил его взгляд, подмигнул.

– Прищемим им хвост, как ты думаешь?

Повар промолчал, так как не понимал игривости босса напрочь.

4. Угол падения равен...

Всё утро Ватшин читал фантастику отечественных авторов, выискивая интересные гипотезы и предположения.

После знакомства с анксами перед Новым годом ему предложили стать аналитиком литературных произведений, чьи авторы высказывали конструктивные идеи в области ксенопсихологии и контактологии, которые «Застава» могла бы взять на вооружение.

За месяц Ватшин прочитал около двадцати романов и столько же рассказов молодых писателей, однако до сих пор ничего существенного не обнаружил. Герои романов в большинстве случаев воевали: либо в космосе, либо в придуманных фэнтезийных «колдовских» мирах, либо занимались сексом. Ни о романтике, ни о научных достижениях речь в них не шла. Поэтому Константин начал постепенно разочаровываться в современной фантастической литературе, зато с удовольствием читал классику и даже посоветовал своему непосредственному начальнику Дэну (так его звали все) почитать Стругацких, выдавших ещё в середине двадцатого века немало неординарных идей. Чего только стоила гипотеза контрамоции – ступенчато-отрицательного перемещения во времени, высказанная классиками в повести «Понедельник начинается в субботу».

К обеду Ватшин осилил роман нынешнего лидера отече-

ственной фантастики Ника Дьяволенко. Сам он, конечно, сомневался в лидерстве переселенца из Дагестана, бывшего врача-гинеколога, использующего чужие идеи в силу своей научной некомпетентности, однако у Дьяволенко сложилась огромная диаспора почитателей его «таланта», вечно торчащих в Интернете, с которыми он тусовался везде, где только можно, не брезговал поить их за свой счёт, а они платили ему взаимностью, голосуя за любимого автора на всех конвентах фантастики, вручая ему всевозможные литературные премии. Что именно он написал, не имело для них никакого значения.

Ватшин в своё время переживал, что ему премий достается меньше, так как считал, что пишет лучше. Потом пришло понимание ситуации, и переживать он перестал. Зато мог объективно оценить творчество коллег и жаждал одного – не славы, но признания читателей. А с этим у него всё было хорошо.

Роман Дьяволенко его не то чтобы разочаровал (детский лепет на лужайке, милый и необязательный), но и не задел. Научных открытий, равно как и психологической достоверности развёрнутого писателем мира, он не принёс. Как сказала Люся, с трудом осилившая половину романа: гинеколог так и остался гинекологом в каждой строчке произведения. А это уже пахло клиникой. Недаром же он выпустил два десятка книг с другими авторами: своего воображения явно не хватает.

– А у меня хватает? – поинтересовался Ватшин.

– Ещё как! – поцеловала его жена.

Кто-то позвонил в дверь.

– Открой, милый, – попросила Люся, засевшая в ванной.

Ватшин нехотя оторвался от стола.

Зазвонил мобильный.

Он сделал шаг к двери, но вернулся к столу, поднёс к уху новый айфон:

– Слушаю.

– Константин Венедиктович?

– Кто это?

– Солома.

– Приветствую.

– Вы один?

– Нет, Люся дома, в... э-э, занята. А что? Подождите, открою, в дверь кто-то звонит.

– Ни в коем случае не открывайте! Спрячьтесь подальше от двери, не отвечайте!

– Что случилось? – удивился Ватшин.

– Потом объясню. – В трубке заиграла мелодия отбоя.

По спине Ватшина протёк холодный ручеёк страха. Он поёжился. Одно дело – писать о приключениях крутых героев, другое – стать самому таким же крутым и бесстрашным. А к этому он готов не был, подумав мимолётно, что в квартиру вполне могли позвонить киллеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.